

18+

Эрис

ТИХЕ

Марат Байпаков

Марат Байпаков

Эрис. Тихе

«Издательские решения»

Байпаков М.

Эрис. Тихе / М. Байпаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511125-8

V век до нашей эры, день Больших Дионисий в древнегреческих Сиракузах. К праздничной литургии написана и отрепетирована новая трагедия о жизни богов, которая должна понравиться Дионису. Радостные жители богатых кварталов в нарядных одеждах стекаются в театр. Но праздник прерывается бунтом бедняков во имя справедливости и тонет в крови... Роман «Эрис. Тихе» об одном эпизоде из жизни древнегреческого полиса — настоящая энциклопедия о быте, нравах, традициях и верованиях античности.

ISBN 978-5-00-511125-8

© Байпаков М.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая.	8
1. Театр	8
2. Дневные песнопения богине раздора	17
3. «Безбожники!» (Гермократ)	22
4. «Нечестивцы!» (Сибарис)	28
5. Укрытия от непогоды (Фрасикл, Брасид)	38
6. Неистовый «Кронос счастливый» (Мирон, Эсхин, Брасид)	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эрис Тихе

Марат Байпаков

*Не надо львёнка в городе воспитывать.
А вырос он – себя заставит слушаться.
Эсхил (Ibid., 1431 сл.)*

Корректор Мария Черноок
Иллюстратор Марина Шатуленко
Дизайнер обложки Мария Бангерт

Благодарности:

Автор выражает признательность творческому коллективу Ridero, за помощь в подготовке романов Эрис к публикации.

© Марат Байпаков, 2025
© Марина Шатуленко, иллюстрации, 2025
© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0051-1125-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

450 г. до н. э. Сиракузы. Бунт худых под предводительством Тиндарида. Поздний день.

– Полидам, рано ликовать. Главное сражение ещё впереди. – Агесилай заставляет замолчать торжествующего друга. Полидам опускает вниз окровавленный ксифос. – Нам предстоит спасти разум людей от безумия горя!

В руках Агесилая появляется короткая корабельная сальпинга¹. Раздаётся пронзительный рёв. Победители сражения у подступов к агоре прекращают преследование отступающего прочь врага. Взоры людей обращены к стратегу.

– Пусть убегают поверженные псы. Ортигия! Нас ждёт Ортигия. – Сальпинга в руке старика указывает на остров. – Скорбь поджидает нас за мостом.

– Стратег Агесилай, как поступить с пленными мятежниками? – Солдат из Гелы выставляет острый копьё к горлу раненого, лежащего у стены агоры.

– Не сейчас, союзник. Займёмся живыми пленными позже. – Агесилай отмахивается было от предложенного, но, увидев несколько сотен мятежников, возвращается к запросу. – Солдаты из Гелы! Пленных связать. Предадим суду искателей тирании. Врагов умирающих добить. Трупы мятежников вынести с улиц!

Приказы старика не обсуждаются. Армия из горожан-добровольцев соседнего полиса Гелы, только что выигравшая последний бой с путчистами, делится командирами на две почти равные части. Солдаты из Гелы и частью жители Тихе превращаются в похоронные команды. Две тысячи ополченцев из Тихе, Ахрадины, Ортигии устремляются к мосту Ортигии.

---

¹ Сальпинга или сальпинкс (σάλπιγξ) – труба длиной 0,8—1,20 м. Состояла из узкой бронзовой (наборной из кости) трубки с мундштуком из кости и раструбом из бронзы, бывала различных форм и размеров (коническая, луковичная, сферическая). Изобретение приписывается этрускам.

Мост Ортигии пугает пустотой. Наверное, солидный, прочный каменный мост – единственное чистое место в городе. Перепачканные кровью ворота Ортигии широко распахиваются перед спешащими людьми. В проёме крепостной башни Ортигии показываются гаморы. Раздаётся рёв корабельной сальпинги. Труба призывает людей к повиновению. Труба плачет откуда-то из глубины ополченцев на мосту. Ополченцы знают спасительную сальпингу, как знают и того, кто владеет корабельной бронзой. Воины запоздало вспоминают про старшинство званий. Дисциплина войны в рядах победителей бунта восстановлена. Гаморы и их спасители застывают на середине моста, так и не встретившись друг с другом. Ополченцы пропускают вперёд седого старика в оборванных окровавленных одеждах. Гаморы счастливы видеть избавителей от осады. Однако вызволенные осаждённые не могут опознать вышедшего к ним стратега.

– Агесилай? Ты, родной? – раздаётся из рядов гаморов. Старик не отзывается на имя. Корабельная сальпинга поднимается над головой. Ветер с моря треплет седые волосы старика.

– Простите меня, я виноват перед вами – я опоздал. – Старик покаянно склоняет голову. Затем медленно встаёт на колени перед гаморами. Сальпинга укладывается на камни моста. Следом за стариком на колени встают и ополченцы. Гаморы утрачивают радость от встречи с избавителями от осады путчистов. Печаль накрывает встречающих. Мужчины рыдают. Сначала тихо, робко стыдясь слёз, затем в голос, дико, обезумев от горя. Кающегося старика поднимают с колен, утешают, обнимают, целуют. Сальпинга, «к сердцу богов взывавшая», «призвавшая победу», «в боях воителям путь указавшая», не остаётся забытой на камнях моста – гамор, по возрасту эфеб, поднимает, целует, выдувает из сальпинги гимн в честь павших и богов-покровителей. Возвышенная грусть знакома сигнальной сальпинге. В правой руке эфеба-сальпингита обломок тяжёлого копья. Голова эфеба перебинтована кроваво-грязными тряпками.

– Полидам? – Старик ищет в толпе соратника.

– Я здесь, Агесилай, – отзывается на зов стратега старший командир ополченцев. Гаморы, взяв под руки, старательно уводят старика и Полидама от их домов.

– Куда вы тащите меня? Мой дом там. Пустите меня... – протестует сквозь слёзы рыдающий Агесилай. Полидам со спины укладывает руки на плечи старика.

– Агесилай, Полидам... – Названные имена жителей Ортигии звучат в полной тишине. Имена мужей разносятся тёплым ветром над перемешанной толпой гаморов, ополченцев, солдат Гелы. Имена звучат так горько, что становится понятно, что последует после их оглашения. – ...Мужайтесь, возлюбленные герои! У вас никого в живых не осталось! Ваши семьи пали первыми в бунте.

Стон сочувствия к горю двух старших командиров подавителей мятежа Тиндарида раздаётся среди улицы. Агесилай решительно поворачивает к своему дому. Полидам, словно слепой, держит старика за плечи, следует за поводырём. Полидам взирает только себе под ноги. Под ноги сыплет-устилает дорогу горькими слезами.

Вот он, порог родного дома гамора Агесилая, чтимого героя битвы с Карфагеном. У порога разбитые статуэтки богов и богинь, опрокинутая воротная колонна, труп с разможённой головой. Тяжёлый домовый камень-грузило, перелетев через ворота, упал на мятежника-подростка немалой тяжестью. Дубовые ворота дома, чистые внешне, до половины прикрыты. Старик сникает, словно взваливает на себя непосильную ношу, воздевает к небу руки, шагает через порог с громкими словами отходной молитвы: «Аполлон милосердный, позаботься о павших и убиенных».

Чёрные лужи крови застыли в серо-коричневых корочках пыли сразу за порогом. Шесть трупов лежат в скорченных смертных позах на боках, на спинах, уткнувшись лицами в плиты внутреннего двора. В мёртвых руках сжаты илирийские кривые кинжалы², дубины, топоры-

² Речь идёт о кинжалах, применявшихся для боковых ударов в обход щитов.

секиры. Агесилай поднимает глаза от трупов. В центре внутреннего двора происходит нечто непостижимое. Агесилай закрывает-открывает глаза, словно надеясь, что ужас происходящего ему только мерещится. Позади старика раздаётся громкий хоровой стон. Пронзительно-протяжное «а-а-а!» отлетает в синее небо. Сразу с десятков мужчин, женщин, подростков спешат на помощь скорбящему Агесилаю.

Чумазый голый мальчишка лет семи держит в руках костяную иглу с нескончаемо длинной серой нитью. Мальчишка сосредоточен на работе. Он не плачет, только крепко стискивает зубы. Правой рукой старательно зашивает распоротый живот женщины, левой рукой крепко придерживает кожу убитой, не давая трепещущим кишкам покинуть утробу. Мёртвая женщина тщательно омыта, её мокрые волосы бережно уложены на плечи, нижняя челюсть подвязана к черепу красной праздничной лентой с драгоценными камнями. По правую руку женщины лежит омытый труп мужчины, при причёсанных волосах, с окровавленным ксифосом в руках, на груди. Труп мужчины пробит в трёх местах: рана в груди от копья, в животе от кинжала, в левом боку от меча. У головы женского трупа полупустой кувшин с водой. Рядом с трупом мужчины на коленях рыдает обнажённый наголо бритый раб лет тридцати пяти.

Агесилай обхватывает голову руками, закрывает глаза, рушится от увиденного на колени. Старик беззвучно стенает в горе. Толпа сочувствующих окружает Агесилая. Полидам бросается к мальчишке. Обнимает за хрупкие плечи, часто целует в темя, щёки, шею. Соратник стратега вынимает из детских рук иглу, отстраняет мальчика от трупа, принимается за похоронные обряды. Половина распоротого живота убитой уже старательно зашита ровными детскими стежками.

Толпа ополченцев, гаморов и солдат из Гелы заполняет внутренний двор дома Агесилая. Горюющего стратега поднимают на ноги. Во рты погибших жителей Ортигии, мужчин, женщин и детей, вкладываются серебряные монеты – оплата перевозчику³. Трупы мятежников обезоруживают, выносят на улицу с поруганиями и осквернениями, прочь из дома. Агесилай приходит в себя. Руки сжимаются в кулаки. Голубовато-серые глаза сверкают свирепостью. Стратег вспоминает о совместной скорби. Агесилай оборачивается к соратникам.

– Сограждане, поможем друг другу пережить горе тяжкое! Не оставим друг друга наедине с безумием утрат! – Агесилай хватает за руки внука и Полидама. Втроём мужчины покидают опустевший дом. Трупы хозяев оставляют на попечение раба.

– Нет-нет! Не... не... не пойду домой! – Полидам останавливается поперёк улицы. – У меня нет глаз. Я слепой. Не смогу увидеть мёртвыми любимых сыновей... жену. Нет, дорогие мои, мне нельзя возвращаться к потухшему очагу. Я не пойду домой!

– Сирота Полидам, мы свершим похоронные обряды за тебя. – Агесилай оставляет скорбящего Полидама на попечение солдат из Гелы. Перед стариком возникают словно бы из ниоткуда двое серых в пепле оборвышей.

– Как вас зовут, гаморы? – Стратег Агесилай обращается к мальчишкам почтительно, как к ровне по званию и даже возрасту.

– Всадник Мирон, – представляется оборвыш покрепче, повыше.

– Гамор Граник, – выкрикивает мальчишка тоньше.

– Возьмите за руки моего внука, гамора Гермократа. Теперь вы трое – неразлучные друзья. До самой смерти друзья. Вы трое поняли меня? – Старик вручает внука заботам новых товарищей. Трое мальчиков хлопают друг друга по рукам. Агесилай вновь командующий полисным ополчением. Раздаётся призывный рёв трубы. Стратег приказывает отчистить улицы Ортигии от трупов, баррикад, осадного мусора пожарищ. Ополченцы, гаморы, жители Гелы разбирают первую баррикаду из мебели, камней, брёвен. Совместными усилиями горе отдельных семей смягчается в реку общей печали.

³ Харон – в греческой мифологии перевозчик душ умерших через реку Стикс в подземное царство мёртвых.

Часть первая. Литургия двух всадников

1. Театр

Утро литургии всадников.

Как выглядит утро дня неизбежной смерти? Каково это – принять вызов чести и ввязаться в битву без малейшего шанса выжить? Как чувствуется ритм времени от стремительно приближающегося жестокого испытания? Давит ли воля богов тяжёлым грузом на плечи? Жжёт ли во рту горечь полыни? Подкатывают ли к глазам слёзы прощания со всем, что было дорого? Покрываются ли потом ладони в предвкушении последнего в жизни смертельного состязания на ловкость владения бронзой? Утро литургии двух всадников украшено облачками тревожных ожиданий.

– Братья! Мои дорогие Мирон, Граник! – Гермократ прибавляет шаг для приветствий, шаг переходит в бег, на бегу архонт-фермосфет раскрывает руки. – Так вы уже здесь?

На мосту Ортигии две бледные фигуры. Хмурые друзья оживают в улыбках. Улыбки выходят вымученными. Из башни выходит Мегиста, за ней Сибарис. Мирон и Граник горделиво выпрямляют спины. Улыбки уже весело-широкие.

– Хайре, гаморы! – Мегиста поднимает правую руку с двойным авлосом. Сибарис, позади хозяйки на шаг, молча, почтительным поклоном, поддерживает приветствие. За девушками показывается Аристарх с солидно вместительным, туго, не понять чем, забитым дорожным кожаным мешком, жертвенной белой козой на длинной чёрной верёвке.

– И да осветит вам путь Аполлон, гаморы! – Завсегда мрачный Аристарх этим утром сияет беззаботным детским счастьем, так заразительно сияет, что Мирон, Граник, Гермократ, а затем и оглянувшиеся назад Мегиста и Сибарис громко смеются.

Мегиста вынимает с озорным подмигиванием для попутчиков из недр формованного жёсткого мешка, Сибарис показав, тут же прячет бранную, короткую, начищенную до блеска золота, с мундштуком из слоновой кости бронзовую трубу. Гаморы хохочут, девушка так прекрасна в очаровательных гримасах-ужимках. Мегиста надевает, застёгивает нарядную с вышивками форбею⁴, прикладывает к губам двойной авлос⁵. Весёлая, в переливах насмешек, мелодия⁶ скрашивает путь гаморов по просыпающимся улицам Сиракуз.

– Твоя Мегиста – аэдон⁷. Я слышу птичье «итис-итис-итис!»! – Аристарх не может сдерживать восхищения от мелодии.

От агоры Ахрадины к шествию гаморов присоединяются трапезиты. Предводитель филы трапезитов, благоухающий персидскими духами Ороп в ослепительно-белом наряде из роскошных милетских тканей с едва уловимым вышитым узором-оберегом ведёт за собой жертвенную белую с чёрными пятнами козу, но всё же больше белую, чем чёрную в окрасе. На голове гражданина Оропа пышный веночек из веток оливы. Трапезиты молча, поднятием правых рук, широкими улыбками, сдержанными хлопками приветствуют архонта-фермосфета,

---

⁴ Форбея – повязка для предохранения губ от травм при игре на авлосе или трубе, а также для придания благопристойного вида исполнителю и усилению выдоха.

⁵ Авлос – главный музыкальный инструмент Диониса.

⁶ Для получения звуковых впечатлений – Petros Tabouris, и, в частности, в его исполнении, гимн афинян (290—289 год д.н.э) «Ithyphallic Song to Demetrios Poliorketes» (Secular Music of Greek Antiquity, Vol.1, Vol.2).

⁷ Аэдон (греч. αἰδών) – соловей.

аристократов, красавиц Мегисту, Сибарис. Богачи Ахрадины облачены в парадные белые лино-тораксы с изображением в золоте танцующего Диониса. У трапезитов за спинами очень похожие на чехол двойного авлоса Сибарис вместительные кожаные сумки, предполагаемо туго забитые изысканной едой, в руках амфоры с вином. На сумках трапезитов тиснением клеймо оружейных мастерских Гермократа.

– Большущие планы на литургию, почтенный глава филы? – вежливо интересуется архонт-фермосфет, рассмотрев особенно вместительный мешок у улыбчивого Оропа. За время литургии, наложенной на филы гаморов и трапезитов за неподобающее поведение в гимнасии, Ороп утратил живот, обрёл выпуклые в твёрдости мышцы. На запястьях обеих рук главы филы бессчётные старинные бронзовые браслеты-амулеты.

– День обещает быть на редкость прекрасным. Мой доспех в суме. – Ороп разводит в стороны руки. – Это будет достопамятный день в моей жизни. Трапезиты, у кого венки для гаморов? – Стискивает архонта-фермосфета в неофициальных приветствиях. Мирон и Граник становятся следующими «жертвами» сверкающего довольством Оропа. Из рядов филы трапезитов появляется торговец Писандр. Он же одаривает гаморов оливковыми венками. Запасённых театральных венков хватает и Мегисте, и Сибарис. Девушки благодарят филу трапезитов. «Лиса торговли» Писандр облачился в сверкающий тёмно-синий хитон с золотой вышивкой, из сумасбродно дорогих тканей Египта. Бронзовая массивная фибула украшает правое плечо. Писандр держит в руках вместительный холщовый мешок с хорошо известным клеймом афинских мастерских духов.

– Хайре, мой Писандр. Ты никак афинские духи взял в театр? – Мирон обращает всеобщее внимание трапезитов на клеймо мешка. Дарённый веноч водружается на волосы атлета.

– Хайре, мой друг Мирон! Ты первый заметил. Буду раздавать прелестные духи особо мне понравившимся... – Но договорить Писандру не удаётся из-за громкого смеха трапезитов. Шутки сыплются на торговца как из рук богини Тихе.

– Мудрый Писандр, прошу, не скупись в раздаче призов.

– Щедрее будь, *направо-налево раздавай!* Не обязательно в руки.

– Отдавай приглянувшимся певцам афинские духи... *без пробы.*

– Артистам очень-очень понравятся *твои ароматы.*

– Писандр, по духам ты лучший из нас – *одариваемые примут дары.* Обязательно примут. Не сомневайся.

Писандр в ответ выдаёт что-то ладное задиристое скороговоркой. Трапезиты, гаморы, девушки смеются второй раз.

Архонт-фермосфет под руку с главой филы возглавляют шествие несколько сотен благоухающих трапезитов. Процветающая Ахрадина оживает. На сонных, чистых, мощённых гладким тёсаным камнем улицах богатого квартала появляются люди. Чинную процессию из знаменитых людей полиса, направляющуюся под приятным подъёмом по главной улице Ахрадины к театру, одобрительно приветствуют рабы, склонившись в поклоне, граждане, метеки радостными пожеланиями с упоминанием богов-покровителей. Особо же часто произносятся многочисленные имена-эпитеты бога Диониса: Апатурий, Дигон⁸, Дифирамб⁹, Диметр¹⁰, Евбулей¹¹, Иакх¹², Ией, Кисс¹³, Мейлихий¹⁴, Мельпомен, Ойнос¹⁵, Орфос¹⁶, Хорей¹⁷, Эсимнет¹⁸. Благозвучно летят слова молитв, к богу Дионису обращённые. Часто раздаются возгласы:

⁸ Дигон – дважды рождённый.

⁹ Дифирамб – двувратный.

¹⁰ Диметр – имеющий двух матерей.

¹¹ Евбулей – Благосовестный.

¹² Иакх – призыв.

¹³ Кисс – плющ.

¹⁴ Мейлихий – даритель смокв.

– Эвое! Эвое! Эвое!

Резко перестукивают металлические пластины кимвал¹⁹.

– Идёт Дионис-Освободитель! – расппеваются отрывки из вакхических²⁰ гимнов Дионису.

К шествующим чинно пристраиваются будущие зрители, благопристойно одетые в праздничные наряды. Среди них женщины богатой Ахрадины. Жительницы квартала идут по левой стороне улицы, чуть поодаль, как бы слегка отстранённо от мужских рядов. Жительницы процветающей Ахрадины загодя готовились к театральным песнопениям. Их волосы уложены в причёски, в сложных причёсках диадемы или пёстрые ленты. Изысканные платья шуршат накрахмаленными складками. Нижние края платьев схожи в крое с волнами лепестков цветов. Золото, серебро, драгоценные камни украшений блестят в лучах утреннего солнца. Женщины изящно танцуют в утренней «трезвой» процессии. С жительницами Ахрадины – вакханками, с гимнами Дионису, с танцевальными мелодиями авлоса Мегисты, к Дионису относящимися, шествие к театру приобретает значение комоса²¹ Больших Дионисий. В мужском шествии тиасотов²² только разговоров, что об именах певцов, участников хоров, танцорах, возможных сюжетах, интриге трагедии малоизвестного софиста-метека Протагора. Шествующие радостно называют друг друга ленами²³, комастами, титирами²⁴.

Зеваки завистливо провожают глазами растянувшуюся по улице процессию. Хотя входной платы на литургию двух всадников не предусмотрено, но неотложные дела, увы, не позволяют некоторым жителям полиса поспешить на постановку, как им того хотелось бы. Предвкушение интересного театрального певческо-танцевального зрелища, удобного как богам, так и людям, в нём участвующим, – вот главная мелодия пересудов на улицах Ахрадины. Прямая улица приводит шествующих к священному участку полиса, площади Диониса, что выложена полукругом, в узор, квадратными плитками кремowego гладкого камня, до стен самого театра. Процессия, вобравшая в себя к моменту прибытия под несколько тысяч человек, встречается хором, состоящим из гаморов, и автором трагедии. Артисты покидают камни мостовой и стен театра. Вставая, поправляют пышные оливковые венки.

Хоревты²⁵ разных возрастов, от семнадцати до тридцати пяти, облачены только в белые хитоны, поверх которых надеты линоторахсы²⁶ с изображением крылатой танцующей богини Эрис. Ткани в хитонах гаморов простые, тонкая невесомая шёлк, из местных мастерских Мирона. Наряды благопристойны видом, по длине до колена. Ремни, фибулы парадные, фамильные, из серебра, начищены. У хоревтов на португепях подвешены тяжёлые деревянные ксифосы²⁷ в ярко раскрашенных ножнах. Новенькие линоторахсы, декоративные театральные ксифосы, португепи придают хоревтам вид исключительно бравый, мужественный, воинственный. Аристократы добродушно приветствуют прибывающих к театру зрителей. От них же,

¹⁵ Ойнос – вино.

¹⁶ Орфос – прямой, эпитет, связанный с фаллосом.

¹⁷ Хорей – плясовой.

¹⁸ Эсимнет – владыка.

¹⁹ Кимвал – музыкальный инструмент, состоящий из двух полых металлических полусферических пластин, связан с культом Диониса.

²⁰ Вакхические – от греч. *βακχεύω* – ликовать, безумствовать.

²¹ Комос (*κόμος*) – буквально «шествие бражников» во время Больших Дионисий, с 25 марта по 1 апреля, ритуальная процессия в честь бога Диониса. Участники шествия – комасты (*κομασταί, kōmastai*).

²² Тиасоты (*θιαοῦται*) – шествующие мужчины в вакхическом шествии.

²³ Лены (*λήναι*) – участники Ленева, то есть празднеств Диониса.

²⁴ Титир (*τίτιροι*) – от дорийского в Италии и Сицилии термина «титирин», трубный пастушеский авлос из тростника.

²⁵ Хоревты – хористы.

²⁶ Линоторахс – льняные доспехи.

²⁷ Ксифос – меч.

артистов, раздаются пожелания процветания, благополучия филе трапезитов. Нет более у гаморов и трапезитов былых обид за отбытую в кулачных схватках литургию в гимнасии.

– Чтущие Диониса трапезиты приветствуют досточтимых гаморов! – Ороп от лица филы возносит слова торжественным голосом. – Мои друзья, благообразные гаморы... – Ороп многозначительно поигрывает бровями. Аккуратная бородка горделиво поднимается. Потирает руками, словно отмечая славную сделку. Задиристым тоном, с надменным видом Ороп оглашает не то обещание, не то угрозу: – ...*Хочу похвастаться* перед вами... – Компаньоны по филе трапезитов за спиной Оропа посмеиваются. – ...Трапезиты отремонтировали *гоночную триеру*... трапезитов и торговцев... для гонки литургии! Глаза на *нашем* боевом корабле не хуже ваших будут. Имя дали триере – Эвий²⁸. Скоро воссядем филлой за вёсла, ударим дружно вёслами по глади морской, разгоним легко триеру к финишу. Экипаж трапезитов готов. Будьте уверены, гаморы – победа достанется нам! Нам, и только нам.

Хоровой хохот с обеих соперничающих сторон встречает угрозу главы трапезитов. Певцы, хоревты, музыканты, аристократы, трапезиты, торговцы следуют за архонтом-фермосфетом в театр.

– А где же наш драматург, он же сочинитель музыки? – Гермократ, а за ним и гаморы, за гаморами трапезиты оглядываются назад. Протагор скромно шагает среди зрителей из Ахрадины.

– Нельзя входить драматургу в театр последним. Это против заведённых правил, почтенный Протагор, – обращается Мирон к софисту.

Толпа расступается. Протагор вместе с архонтом и главой филы трапезитов с важным видом входит в почётный правый парод²⁹. Через левый парод зрители заполняют театр³⁰. Первые ряды, с резными из камня креслами с высокими спинками, удобными подлокотниками, назначенные для официальных лиц, жрецов, почётных граждан, гостей полиса пустуют. Сектора театра заполняются согласно кварталам полиса, демам, должностям, филам, гетериям. Эфоры, общим числом в два десятка гоплитов, при шлемах, кирасах, гоплонах³¹, коротких копьях, выстраиваются шеренгами у обоих пародов. Доспехи эфоров, блюстителей порядка на литургии, блестят золотом бронзы. Выходцы из разных кварталов города, старшие эфоры счастливы своим жребием присутствовать на театральной постановке. Служба полису в этот ясный день Больших Дионисий обещает быть весьма приятным развлечением.

Протагор оглядывает прибывших и прибывающих. Шумные группы людей заполняют им положенные места. Люди усаживаются, оправляют складки одежд, надевают шляпы, накидывают платки, прикрываясь от солнца. На камни сидений укладываются яркие коврики для удобства. Раскладываются амфоры, ритоны, припасы еды. Зрители приветствуют знакомых, родственников, друзей. Отвешивают обидные колкости соперникам-конкурентам. Драматург удовлетворён увиденным. Уже к раннему утру за полукруглой изгородью оркестры³² собрались на литургию почти пять тысяч зрителей. Театр Сиракуз заполнен на треть. Треть утром – не позорно для скромной литургии. Протагор краем глаза замечает, как Мегиста и Сибарис в сопровождении Аристарха занимают места сразу за почётными креслами, в секторе аристократии полиса. Сектор аристократических родов пустует.

– Все кварталы полиса в театре, – на ухо драматургу шепчет Граник. – С половину театра заполнят к позднему утру. На большее рассчитывать не стоит.

²⁸ Эвий – эпитет, относящийся к Дионису, буквально – «ликующий».

²⁹ Парод – в данном случае конструктивный элемент античного театра, открытый проход между сценой и рядами.

³⁰ Театрон – места для зрителей.

³¹ Гоплон – круглый выпуклый щит.

³² Оркестра – места для плясок, площадка для выступлений.

К фимеле³³, возвышающейся мраморным столбиком по центру орхестры, выходят старший жрец Диониса, он же предводитель фиаса Диониса, архонт-фермосфет Гермократ, главы фил трапезитов и кварталов Ахрадины. Вышедших три десятка мужей. Всадники Мирон и Граник остаются на почтительном удалении от ступеньки фимелы. Архонт-фермосфет выполняет роль «жертв приносящего» при литургии – стоит с нагим кинжалом над козой. Жрец Диониса, почётный гражданин Ахрадины, небольшого роста, лысоватый спокойный муж в серьёзных годах, с пронзительным взглядом, обращается к Гермократу:

– Архонт, троекратно поднимем молитвы?

– Сиятельный, будем ткать гимны³⁴ Орфея³⁵? – Уточняет Гермократ у жреца. Жрец утвердительно поднимает правую руку. Гермократ говорит с небом: – Драматург Протагор, подойти к нам.

Драматург сближается с должностными лицами полиса, принимает торжественную позу. Жрец первым «ткёт» гимн Дионису:

*Этой молитвой зову Диониса Священной Корзины,
Доброго Вакха-нисейца, желанного, в пышном цветенье,
Детище милое нимф и венчанной светло Афродиты.
Пляшущей поступью ты сотрясаешь лесные дубравы,
С нимфами
Вместе ликуя, безумием сладким объятый,
Ты отведён был к святой Персефоне по воле Зевса,
Ею был вскормлен, возвращён любимым для сонма бессмертных.
Ныне явись, о блаженный, принять эти милые жертвы!³⁶*

Вторым возносит гимн, архонт-фермосфет Гермократ:

*Сын Зевса блаженный, внемли мне, о Вакх виноградный,
Отпрыск о двух матерях, многотимое семя святое,
Много великих имуций имён, о бог-разрешитель,
Чистая, тайнорождённая поросль блаженных, кормилец,
Вакх в ликующих криках «эвой», плодов умножитель,
Недр потрясатель, о гроздьев давитель,
Могучая сила!
Видом изменчивый бог, о лекарство людское от скорби!*

³³ Фимела – алтарь Дионису.

³⁴ В античности гимн (ὑμνος) как слово (*hymnos*), по происхождению, напрямую связывали с глаголом «ткать» (*hyphaino*). Гимн, песню или произнесение важных речей (рифмованных) древние греки воспринимали образно как разновидность ткачества – соединение слов в «речевую ткань».

³⁵ Орфей был старше Гомера на десять поколений. По времени жизни соотносится с микенской эпохой. Орфизм в качестве религиозно-философского течения оформился в VI веке до н. э. В орфизме примирились два противоположных начала античности: гармонии Аполлона и буйство Диониса. Дионис занимал в орфизме особое место, как божество вечного возрождения природных сил. Обновление мира в процессе жизни и смерти символизировали перевоплощение Диониса. В орфизме показано космическое жертвоприношение божества, в котором участвует весь мир. Уничтоженный титанами, Дионис возрождается. Второе явление Диониса, в образе полубога-получеловека, сына смертной женщины Семелы и Зевса, теперь уже в борьбе с людьми, его преследующими, приводит к созданию культа божества. Орфизм привлекал последователей равенством судеб всех людей, приобщённых к культам Диониса, вечным существованием души, переселением души, воплощаемой в разных телах, в зависимости от постепенного её совершенствования и очищения. Проповедовал аскетический образ жизни, воздержание от жизненных благ, устанавливал выразительно лаконично оформленный кодекс предписаний, наставлений, запретов, излагал «законы Зевсовы, Кроносовы, божественные, надкосмические, внутрикосмические» (Платон). Орфики были организованы в содружества. Начав как демократическое религиозное течение греческих полисов в VI веке до н.э., к поздней античности превратился в элитарное закрытое философское течение.

³⁶ Орфический гимн XLVI «Ликниту». Перевод Ольги Викторовны Смыка. МГУ

*Ты, о священный цветок, не терпящая горя отрада
Смертного люда, о всеотпуститель, прекраснокудрявый
С тирсом бушующий Бромий, Эвой, разрешитель вседобрый!
Всюду, где хочешь, являешься ты – среди людей и бессмертных,
О плодоносный и сладкий, явись же и к таинствам нашим!³⁷*

Жрец, архонт-фермосфет поворачиваются к драматургу. Протагор громким голосом «ткёт» третью молитву:

*О Дионис-быколикий, блаженный, в огне порождённый,
Вакх-Бассарей, гряди, многотимый, гряди, многославный;
В радость тебе и кровь, и мечи, и святые менады,
Ты на Олимпе почишь,
о Вакх-вдохновенный, гремящий.
Тирс твой подобен копыю, о гневный, у всех ты в почёте —
Чтут тебя боги и люди, что ширь населяют земную.
Ныне гряди, о плясун, о блаженный, всеобщая радость!³⁸*

Протагор принимает восхищённые взгляды должностных лиц и зрителей. Благодарно склонив голову, удаляется на прежнее место. Жрец завершает священное «ткачество» театральной молитвой. С последними словами жреца культа Диониса: «...Приди на песнопения, прими жертву нашу, возрадуйся славословию, сиятельный бог Дионис!» – надзорный судья литургии приносит в жертву козу. Кровь жертвы проливается на алтарь. Хоревты вносят столик для разделки туши. Приходит черёд жертвы-подношения от филы трапезитов, потом от кварталов полиса. Вино из праздничных сосудов поливает мрамор алтаря. Молочно-белый с прожилками мрамор обретает красно-бордовый цвет.

Жрец Диониса уверенно с молитвой разделяет коз. Внутренности животных без порочных дефектов. Показывает печень зрителям. Благодарит Диониса за благоприятные предзнаменования. Рабы-полицейские выносят разделанные туши коз для сжигания жертв на кострах за стенами театра. Хоревты складывают столик. Архонт-фермосфет ищет взглядом Протагора, найдя, указывает обеими руками на софиста.

– Драматург Протагор, огласите название трагедии, протагониста³⁹, девтерагониста⁴⁰, тригониста⁴¹, представьте нам, здесь собравшимся, хор, танцоров, музыкантов.

Протагор почтительно кланяется фимеле. Драматург держит в руках красивый тирс⁴².

– Хвала заботливому богу Дионису! Мой восхитительный хор, мои великолепные актёры живы-здоровы. Корифеем⁴³ трагедии выступает гамор Фрасикл.

Гамор Фрасикл тут же поднимает жезл корифея. Крепкий, плотно сбитый аристократ – известный землевладелец. Гаморы выстраиваются позади драматурга и корифея в пять ровных по-воински рядов. У рядов по одному младшему парастату⁴⁴, с правого края. В хоре драматурга Протагора необыкновенно многолюдно, вместо двенадцати или пятнадцати привычных хоревтов – два состава, по пятьдесят певцов в смене. Среди недоумевающих зрителей слышны

³⁷ Орфический гимн L «Лисию Ленею». Перевод Ольги Викторовны Смыка. МГУ

³⁸ Орфический гимн XLV «Гимн Дионису Бассарею Триетерику». Перевод Ольги Викторовны Смыка. МГУ

³⁹ Протагонист – главный герой.

⁴⁰ Девтерагонист – второй персонаж.

⁴¹ Тригонист – третий член актёрской труппы.

⁴² Тирс – жезл Диониса.

⁴³ Корифей – руководитель хора.

⁴⁴ Парастат – руководитель полухора.

вопросы: «Как же корифей Фрасикл справится с настолько большим хором?», «А где же старшие парастаты?», «Петь всё же будут обычным составом?», «Верно, в хоре будут молчаливые статисты?». Но взволнованный драматург не слышит мнения сомневающихся. Вопросы зрителей остаются неразрешёнными. Протагор торжественно оглашает:

– Трагедия, представленная к чести богов, имеет название «Эрис благодетельная». Протагонистами, в роли богини Эрис, выступают всадники Граник, Мирон, Фрасикл. Девтерагонистами, в ролях Кроноса – гаморы Мирон, Фрасикл и... Тритагонистами, в ролях Зевса, Геры, Гестии, Деметры, Посейдона, Гадеса⁴⁵, Метиса⁴⁶ выступают...

Зрители осматривают названных актёров. Выбор драматурга им, сидящим на именных скамьях, ничего не сообщает. Всадников Мирона и Граника многие из граждан знают по делам торговым, но вот прочих гаморов-трапезитов, юношей, мужей, певческими голосами на оркестре никто из зрителей ранее не отмечал и на сельских малых Дионисиях⁴⁷. Некоторые же из зрителей откровенно недоумевают, ожидаемо должны были быть представлены известные полису наёмные хоревты из эллинов-метеков. Над тритагонистами, увы, не посмеётся: состав не «третьесортен» – аристократы. Музыканты тоже гаморы и трапезиты. Хор будет поддерживать труппа из двадцати танцоров только из аристократов Ортигии. Танцоры красивы, молоды, высоки по росту, пышут здоровьем, не чета привычным худощавым, наёмным со стороны. Наряды танцоров коротки, до середины бёдер. Возможно, потому, что большинство из них эфебы?

Многочисленные хоры, танцоры, музыканты заполняют оркестру. Высокая многооконная сцена⁴⁸ приведена в парадный вид. Башни параскении, что возведены по обоим бокам для лучшего акустического звучания, тщательно отремонтированы, серые колонны выкрашены в тёмно-синий, ярко-красный. Перед сценой возведён нарядный проскений⁴⁹, украшенный картиной безоблачного неба. Литургия всадников стала общими хлопотами двух фил гаморов-трапезитов. Два хора покидают оркестру через левый парод. Музыканты рассаживаются двумя рядами на тяжёлых раскладных креслах друг напротив друга. Струнные, духовые, тимпаны. Авлосы, кифары-форминги неспешно покидают дорожные, жёстко формованные, прочные кожаные чехлы с клеймом оружейных мастерских Гермократа. На оркестре остаются архонт-фермосфет, драматург и флейтист с двойным авлосом у фимелы. На правой ступне флейтиста бронзовый крупезон⁵⁰ с дисками. Драматург молитвенно воздевает руки к утреннему небу. Устанавливается тишина.

– Благонравные жители полиса Сиракуз. Перед трагедией выступит с песней для богини Эрис... – В левом пароде появляются новые зрители, по виду из Теменитеса. Несколько десятков мужчин, женщин, стариков замирают на месте, дабы не мешать оглашению имени певца. – Гражданин Гермократ, сын Гермона, гамор. После вступительной песни придёт черёд прологу и пароду⁵¹.

Такого имени певца никто из зрителей не ожидал услышать. Зрители удивлённо переспрашивают друг друга, ибо названный исполнитель никак не обозначает намерения петь. Из сектора гаморов поднимается Аристарх, в его руках театральная маска белого окраса. Гамор направляется к оркестру, передаёт обеими руками, в поклоне, маску архонту-фермосфету. Венок архонта достаётся Аристарху. Посох судейской власти остаётся в правой руке

⁴⁵ Гадес – бог Аид.

⁴⁶ Метис – древнегреческая богиня, олицетворение мудрости.

⁴⁷ Малые Дионисии – сельский праздник, проходивший в конце декабря в честь сбора винограда и разлива молодого вина.

⁴⁸ Сцена – сооружение перед театроном.

⁴⁹ Проскений – временная деревянная стена, возводимая для каждого представления.

⁵⁰ Крупезон – музыкальный инструмент в виде сандали, состоящей из двух деревянных или металлических пластин, образующих две толстые подошвы, скреплённые сзади. Использовался для отбивки ритма флейтистом.

⁵¹ Парод – в данном случае, в трагедии, выход хора с песней

2. Дневные песнопения богине раздора

Стихает музыкальное сопровождение песни. Белая маска покидает голову певца. Перед зрителями вновь предстаёт архонт-фермосфет. Посох судейской власти поднимается к безоблачному синему небу.

– Великолепный Исодет⁵², боги, в вашу честь будет исполнена трагедия. – Архонт-фермосфет шагает к первому ряду в театроне. Поднимается трапезит Ороп. Богач Ороп преисполнен чувствами. Утирает сочувствующие слёзы с холёного лица. Сектор трапезитов ожидает важных слов от предводителя. Глава филы трапезитов обращается к драматургу.

– Драматург, не огласите имя творца вступительной песни? Это вы её составитель? – Протагор в ответ указывает руками на сектор гаморов. Трапезиты не сговариваясь поворачивают лица к немногочисленным гаморам, числом не более сорока.

– Почтенный глава филы, я не могу присвоить себе то, что мне не принадлежит. Составитель песни – пришедшая жрица⁵³ фиаса Артемиды, досточтимая жена Гермократа, сына Гермона, дева-бакхиад по имени Мегиста. – Протагор склоняет голову перед почти пустым сектором гаморов.

Архонт-фермосфет улыбается в лицо счастливой жене. Прикладывает кулак правой руки к груди. Мегиста поднимается с родовой скамьи семьи Гермократа. Оборачивается к зрителям. Расчувствовавшийся Ороп поднимает правую руку, одновременно тем жестом приветствуя и творца песни, и её мужа. Фила трапезитов громко рукоплещет. Зрители встают. Грохот рукоплесканий зрителей от всех секторов усиливается стенами сцены. Полис слышит первую волну благодарности. Литургия двух гаморов волнует эмоциональным вступлением.

«Неужели скучная постановка такая *интересная*?» Ошеломлённые горожане останавливаются на улицах. Многие из них тут же решительно меняют сложившиеся планы на день, чуть не бегом спешат домой за праздничной одеждой,купают у уличных торговцев оливковые венки. Иные же в подобающей одежде для литургии обращают стопы от агоры в противоположную сторону, к театру. Толпы людей из метеков и граждан, вольноотпущенных и эллинов, гостей полиса, паломников и сикелиотов, людей разных занятий стекаются к стенам театра.

Две тысячи зрителей через оба парода пополняют театрон перед прологом трагедии. Раздаются рифмованные восхваления богам от входящих. Сидящие зрители приветствуют прибывших знакомых помахиванием рук. На шествующих пышные венки из полевых цветов, оливковых ветвей, в спешке приобретённых у торговцев агоры. В руках амфоры с вином, объёмные мешки со съестным. Театрон заполнен ровно наполовину.

Драматург подаёт сигнал – открытая ладонь правой руки, тирс в левой три раза вверх-вниз, в то же мгновение мальчик-раб из семьи Гермократа убегает в парод. Из правого к зрителям парода входят две смены хоревтов. За хоревтами входят танцоры в линотораксах с парными шестами, при ксифосах. Эммелии⁵⁴ намечаются сложными. «*Танцы на шестах!*», «*Два хора!*», «*Зрелище!*» – зрители стоя приветствуют хоревтов и танцоров. Ликующий гвалт из театра разносится по полису. Ещё несколько сотен граждан полиса из соседнего квартала Теменитеса напрочь забывают про дела важно-насущные, со всех ног устремляются к театру.

Хоры выстраиваются друг напротив друга, по кромкам левой и правой окантовки оркестры. Два правильных прямоугольника хоревтов смотрят враждебно в противоположный хор. Между хорами корифей, парастаты, гордый драматург с тирсом около алтарного флейтиста. Подошло время для пролога трагедии. «*Какой же из хоров будет петь пролог?*» – слышится

⁵² Эпитет Диониса – «равномерно разделяющий».

⁵³ Пришедшая жрица – младшая жрица, возможная глава фиаса в будущем.

⁵⁴ Эммелии – обязательные танцы в трагедиях, поясняющие смысл и настроение происходящего.

среди зрителей. «Если тот, что слева, значит, хор, пришедший из далёких мест, если тот, что справа, значит, наш, местный». Корифей воздевает обе руки. Руководитель хоров смотрит лицом на сцену. Будут петь оба хора. Опускается левая рука. Музыканты поднимают мелодию пролога. Величавая в грусти, составленная из струнных, духовых и тимпанов, она безошибочно погружает зрителей в нужное настроение. Хор справа, составленный только из гаморов, слаженно поёт:

*О делах давних, великозначительных, что вершились богами,
мы поведаем вам.
Кронос, верховное божество, народившись от брака Геи с Ураном,
Оскопил серпом отца своего.
Младший сын первого бога от Неба, повинувшись воли матери
от Земли,
Страхи отца воплотил,
Бронза серпа хранится в пещере, что у Занкла, на острове нашем,
Всяк увидеть может её.
Кронос к власти пришёл, став правителем мира богов,
от сестры Рея,
Боги-олимпийцы рождаются.
Но боится отец, влюблённый в детей, предсказания отца
оскопленного
И глотает детей одного за другим.
В чреве его исчезают Гера, Гестия, Деметра, Аид, Посейдон, горе
матери
Безутешно – тщетно Рея молит ревнивца.
Рея Зевса прячет в пещере на Крите, ложью спасая сына от гнева
отца.
Кронос счастливо обманут.
Зевс подрастает, куретами взращен, время свергнуть тирана
богов,
Никта дарует Зевсу яд для отца.
Но кто же Никте, кормилице богов, в Тартаре живущей, яд
приготовил?
Кто в мёд умело траву вложил?
Матери верная дочь помогала. Эрис, от Эреба рождённая, та,
что в замыслах
Битвы грядущей пощады не знает.*

Корифей поднимает правую руку. Хор, только из гаморов состоящий, замолкает. Музыка меняется на чуть более быструю, настроением восторженным. Хор слева, большей частью из трапезитов и меньшей из гаморов, перенимает песнопения. Под вторую песню пролога в театрон входят с четыре сотни жителей Тихе, преимущественно женщины в нарядных синих, белых и тускло-красных одеждах. Поклонившись фимеле, архонту-фермосфету, зрителям, пригнувшись, новые зрители занимают сектор квартала бедноты.

*Эрис благая, богиня раздора,
дочь Эреба и Никты,
оружие Зевсу создавшая,
Ареса, Немезиды, Танатоса, Гипноса*

*родная сестра,
верная в чувствах семейного долга.
Кроноса век золотой ты помогла вместе с Зевсом
пресечь, и человек
отделился от животного стада.
Ты, что родила смертным на траур
беззаконие, голод, обиды, скорби, битвы,
убийства, споры и тяжбы.
Ты, что даровала смертным в усладу
в брани неистовства дух, труд, спорт
и соревнование в созидании благ.
Ты, что везде поспеваешь на крыльях остро заточенных,
мы воспеваем
величайшую мудрость твою.
Если б не ты, о Эрис благая,
не было б воли среди смертных к улучшениям,
Не познал бы никто из людей вкус хлеба с вином.
Соревнованию закону верховному твоему повинуюсь,
люди создали жилища, полисы и корабли,
что скользят по морям.
Если б не ты, кто бы нам даровал
различие в профессиях?
Кто отделил бы мастера от подмастерья?
Честолюбивые замыслы не породили бы песен в
словах, красках, металле и глине.
Всё и вся среди нас были бы на одно лицо и сложение.
Эрис благая, союзница в мире и брани, заговори!
Расскажи нам, богиня труда, как варила заклятья,
Зевсу оружие przygotowляя.*

Корифей поднимает левую руку. Хор трапезитов-гаморов замолкает. Но музыка звучит. Звучит уже властно-торжественно, размеренно. Тимпаны задают мрачный ритм музыки, но на полтона приглушённо. На оркестру выходит всадник Граник, в его руках маска с два человеческих лица. Маска женская, губы красные, чёрные дугами брови, с пышной причёской, выдавленной в коже, маска покрыта золотом. Граник облачается в театральную личину. В лучах утреннего солнца маска сияет. Ни у кого из сидящих нет сомнений в имени персонажа, что будет петь. Протагонист трагедии, опасная богиня Эрис, певческим голосом гамора поёт:

*Средь людей неблагодарных, что живут по законам моим,
я не любима.
Моим именем пугают сынов нерадивых,
что перечат при ссорах отцам.
Моим именем благозвучным, данным мне от богов,
составляют проклятья врагам.
Моим именем не клянутся, договор не скрепляют,
и на свадьбы меня не зовут.
Но как буря случится, враг войною нагрянет,
призывают благословием люди меня.
Жертвы приносят, молитвы поют, в поле танцуют:*

*«Эрис, наполни отвагой наши сердца!»
Как же может богиня, заслышав молитвы, вкусив жертв,
на зов не прийти?
Позабуду обиды от людей неблагодарных и вновь помогу им
в сражениях, в гимназиях и в состязаниях.
Выиграют битвы, получают награды, трофеи воздвигнут
и позабудут меня до нужды неотложной.
Снова детишек пугают именем моим благозвучным,
снова на свадьбы меня не зовут.
Не воздвигли жилищ для меня в городах, нет алтарей для меня,
Эрис, богиня вражды, полна обид
на людей неблагодарных!*

Юноша-аристократ исполнил приветственную песню пролога трагедии достойно и иного приглашённого наёмного искусного певца. Нет среди зрителей недовольных. Смысл песни принят – мужчины, женщины, старики согласно кивают головами. «Эрис» в сияющей маске покидает оркестру. Зрители восхищены прологом, воздевают с молитвами руки к небу. Возможно, сама богиня раздора, сложив крылья, невидимой гостьей восседает среди них?

На оркестру выходят танцоры. Танцоры в руках несут по два добротных в толщине, стянутых бронзой, в узорах раскрашенных шеста с солидными упорами для ног и рук. Зрители ликуют. Рукоплесканиями приветствуют танцоров. Конечно, жители полиса не могут устоять от звуков пения и приветствий. К театру устремляются несколько тысяч желающих разделить литургию. Выступление танцоров, по просьбам входящих опоздавших зрителей молчаливого характера в виде страстного-умоляющего воздевания рук, откладываются. Музыканты меняют темп на танцевальный, тимпаны откровенно ругают припозднившихся. Слово ссоры, сыплется ритм музыки на виноватые головы в венках из обыкновенного плюща и оливы. Струнные смягчают обиду, сладко поют в противовес злобным тимпанам: «Ахрадина, Теменитес, Тихе».

Танцоры-гаморы с последним вошедшим встают на ходули-шесты. Пролог трагедии завершается традиционной эммелией. Драматург придумал сложную эммелию «танец журавлей⁵⁵» на ходулях высотой по плечи. Для важной красоты танцоры в дополнение к линоторакам надели на руки бронзовые бранные поручи. Театр перед эммелией заполнен на пять шестых. У стен театра разночинная толпа из нескольких сотен метеков, чужестранцев-паломников, рабов, что отпущены щедростью хозяев на литургию. Увы, стража из эфебов более не пропускает в театр зрителей, выполняя приказ посоха архонта-фермосфета. Сектор аристократов оскорбительно пустует. Нет и зрителей в почётном ряду резных кресел с высокими спинками. Только архонт-фермосфет, одиноко сидя на кресле первого ряда, сжимая в руках посох власти, держит под судейским надзором литургию двух всадников.

Танцоры ловко выстраиваются в две линии «озёрных птиц» на удалении в длину половины шеста друг от друга. Линии белых «журавлей» с «золотыми» поручами приходят в движение. Сияющие бранные поручи кажутся зрителям брачным нарядом крыльев. Замысел эммелии раскрывается. Толкующие свадебные «птицы» – вестники назревающих перемен. Танец «озёрных журавлей» отчётливо раздражённо-злой. Гомон бронзовых подошв ходулей по камням оркестры искусно пародирует негодующие «птичьи тимпаны».

Мало звуков лихим танцорам – к перестуку топающих ходулей добавляются элементы танца. Линии синхронно поднимают и опускают попеременно то левые, то правые шесты. Слы-

⁵⁵ Журавль – одна из птиц, связанных с культом бога Аполлона. Отсылка к соперничеству двух культов: культа Диониса и культа Аполлона.

шатся приглушённые восхищённые «ах-ах!». Линии «озёрных журавлей» расходятся и сходятся. Сойдясь в очередной по счёту раз, линии танцоров входят в раж. Две линии синхронно подпрыгивают на ходулях. Зрители замирают – такого танца от эфебов-аристократов никто и представить себе не мог. Танцуют ведь не наёмные артисты, что ради жалования в бессчётных тренировках довели мастерство танца до уровня профессии. Умело танцуют аристократы Ортигии, что никогда ранее с ходулями замечены не были! Танцоры заканчивают танец, спрыгивают с ходулей, не уронив шести на оркестру.

Теменитес шумно поднимается с мест, следуя за известными предводителями своих гетерий. За Теменитесом следует богатая Ахрадина, позже прочих гордый Тихе. Зрители стоя протяжно свистят, машут венками в пёстрых лентах, неистово аплодируют, громко выкрикивают поздравления, благодарности хорам, музыкантам, танцорам. Драматург очарован сладкой волной людского признания. Слава пьянит лица актёров. Протагор вместе с танцорами кланяется ответно зрителям. Танцоры с ходулями выстраиваются по обоим пародам. Пролог трагедии полисом выпит до последнего звука.

На оркестру выходит рослый бравый певец или воитель? При гоплоне, ксифосе, в бронзовых доспехах, при бронзовых поножах, поручнях, новый ярко-красный спартанский плащ на муже, скреплённый золотой фибулой. На плаще вышивка – чёрный ворон⁵⁶, золотой серп, ветка кизила⁵⁷ с цветными плодами. Это всадник Мирон, в его руках большая маска, покрытая золотом, но то грозное, нахмурившееся в гневе мужское лицо. Воцаряется тишина. Гамор облачается в театральную маску. Певец сияет золотом с ног до головы. «Кронос счастливый, правитель мира?», «В Тартар низвергнутый бессмертный бог?» – шёпот ветром проносится среди рядов театрона. Вопросы содержат скорее утверждающий, чем вопрошающий смысл. Оба хора ждут взмаха рук корифея.

---

⁵⁶ Слово *sgonos* означает также и «ворона». Ворона считалась греками вещей птицей, перевоплощением душ царей.

⁵⁷ Кизил – дерево, считавшееся священным деревом Кроноса. Символ четвёртого месяца, на который приходилось весеннее равноденствие.

3. «Безбожники!» (Гермократ)

Через оба парода перед сеной у самой кромки орхестры возникают две сотни новых зрителей. В экзомисах⁵⁸, грубых, из шерсти, цветом единообразно сером, грязных, с работы, с неподшитыми подолами⁵⁹. Нет венков на неомытых головах. Пришедших, загоревших дочерна, можно легко спутать с рабами, если б не эллинские лица. Выходцы из Тихе бесцеремонно вбегают в театр. Из складок одежд «опоздавшие зрители» достают нагие кинжалы. Кинжалы разных форм-длин: от коротких, чуть тяжелее кухонного ножа, до впечатляющих размером с иной ксифос или карфагенский меч. Эфебы-стражники, что благодушно сидели у пародов, вскакивают. Безусые юношеские лица полны удивления – Аид предстал пред эфебами. Выходцы из Теменитеса и Ахрадины на почётной службе ошеломлены поруганием священных религиозных традиций.

На краткий миг театр замирает в оцепенении. Миг тот бесконечен. Испуг, печаль, удивление, разочарование, шок, злость, чувство утраты праздника, как при наглом ограблении, смешиваются у свидетелей в непонятную гремучую смесь. Смесь оцепенения насыщенного бордово-красного цвета. Цвет постепенно меняет оттенок, насыщаясь до глубокой ночной черноты. Утреннее солнце для зрителей в театре исчезает за горизонтом, так и не достигнув полуденной высоты. Толпа из Тихе стоит как серое болото без движения. Два хора, музыканты, певец, корифей, парастаты разом, не стовариваясь меж собой, оборачивают свирепые лица к архонту-фермосфету. Архонт-фермосфет решительно подымается с резного кресла. Правая рука с жезлом-посохом устремляется к белым облачкам на синем небе. Левая рука держит белую театральную маску.

Девушка из сектора гаморов встаёт вместе с архонтом-фермосфетом. Прикладывает корабельного вида короткую бронзовую трубу к губам за форбеей. Раздаётся протяжный, в трёх повторах, воинственный клич. Это Мегиста поёт войну. Издалека, от храмовой агоры Ортигии, трубе отвечает сестра-подруга. За ней в переключку вступает вторая, третья, четвёртая сальпинга. Оцепенение покидает хоры, танцоров, певца, корифея. Музыканты откладывают бережно инструменты музыки на плиты. В руках появляются кинжалы, ксифосы. Формованные чехлы становятся щитами. Танцоры вынимают из шестов-ходулей по два острых бронзовых друга. Двадцать танцоров образуют две правильные боевые шеренги с правого парода. К ним быстро присоединяются музыканты. Кинжалы, ксифосы, шести обращены на серую толпу Тихе. Пятьдесят гаморов готовы немедленно вступить в бой.

В руках певца объявляется нагой ксифос. Ксифос не театральный из дерева. Заточенная бранная бронза блестит хищно. Мирон, обнажив оружие, в театральной маске персонажа трагедии устремляется к танцорам-музыкантам. Теперь «бог Кронос» становится командиром полулоха аристократов. Золотая маска бога «правителя мира» взирает на архонта-фермосфета. Из рядов гаморов к хорам спешит крепкий муж с тяжёлым кожаным тюком. Аристарх перепрыгивает через ступени, минует кресла, тюк раскрывается на бегу. Хоры довооружаются его содержимым. К ксифосам в пару приходят кинжалы.

Эфоры выстраиваются в шеренгу, выставляют копья, разделяя гоплонами, оружием нерешительную вооружённую толпу визитёров из Тихе и ощетинившиеся бранной бронзой хоры. Мирная служба по поддержанию порядка в театре обращается в военную. Драматург со старинным спартанским кинжалом встаёт по левому флангу шеренги эфоров. Заняв место, Протагор туго наматывает плащ на левую руку, превращая плотную одежду в многослойный шер-

⁵⁸ Экзомис – одежда для работы, оставлявшая свободными обе руки. Отрез из грубой ткани, заложённый складками на левом плече, размером 2,30х1,40 м.

⁵⁹ Неподшитый или обтрёпанный подол экзомиса – признак крайне бедственного положения или рабства.

стяной нарукавный щит. Зрители поднимаются с мест. Молчание царит в их рядах. У многих на лицах непонимание происходящего. Белая маска надевается, архонт-фермосфет выкрикивает в сторону зрителей:

– Безбожники! – Посох судейской власти полиса Сиракуз указывает на толпу Тихе с кинжалами. Слово архонта-фермосфета тут же подхватывается драматургом. Протагор во весь голос трижды ревет:

– Безбожники! – Голос драматурга исполнен яростью в ненависти. Клич Протагора подхвачен танцорами и «Кроносом». Полулох у правого парода скандирует без перерыва в безликие лица толпы Тихе: *«Безбожники!»*

Хор первый полностью довооружён Аристархом. Двадцать пять хоревтов радением Аристарха обрели отличное оружие. Оруженосец из рода Полидама пополняет ряд хоревтов. Полулох бывших певцов с могучим Аристархом выстраивается в боевые шеренги с левого фланга эфоров. К нему примыкает младшим командиром певец Граник, торопливо надевающий маску богини Эрис. Второй хор вынимает припасённую бронзу из театральных деревянных ножен. Второй вооружённый полулох выстраивается с правого фланга. По резким приказам корифея хоров Фрасикла парастаты становятся младшими командирами боевых шеренг гаморов-трапезитов. Мегиста с защитницей-подругой Сибарис, что со спины следует за ней с кожаным чехлом-щитом, с кинжалом на изготовку, спешит к тылам отряда «Архонта». Сальпинга девушки призывает к борьбе, отчаянно выдувая музыку пеонов. Девушки вливаются в шеренги непосредственно перед атакой. Архонт-фермосфет выкрикивает команду поверх голов хоревтов из полулохов:

– Шеренги, к атаке готовься!

Голос твёрд у архонта. Белая маска отлично видна с любой точки театроне. Посох власти в его правой руке вот-вот укажет направление атаки. Шеренги сжимают в руках оружие, артисты стискивают зубы до скрежета, глаза суживаются, всяк выбирает цель. Сальпинга Мегисты поёт призыв к штурму. Зрители оживают. Часть из них, не более сотни, из сектора Тихе бросается по ступеням в направлении оркестры. Сектор Тихе с кухонными ножами в руках. Другая часть, в три полных лоха, из сектора трапезитов, спешит им наперерез. Трапезиты отлично вооружены для ближнего боя. Трапезитов возглавляет предводитель фило Ороп. Подобрал полы праздничных одежд, злой Ороп держит высоко над головой ксифос. На покинутых скамьях остаются сиротливо лежать разноцветные коврики; на них недоеденные пироги; пузатыми боками к небу – не выпитые ярко окрашенные амфоры с вином; поверх неоткрытых амфор, пустых парадных канфар – пышные театральные венки.

«Друзья из Тихе» не успевают достигнуть заветной оркестры. Их, спешащих вниз по ступеням лестниц, валят с ног подсечками зрители. Толкают в бока. Терзают за волосы. Бьют по головам кулаками. Ломают руки-ноги. Выхватывают из рук оружие. Схватки на лестницах быстротечны. Безжалостные удары на немногочисленных «безбожников» сыплются со всех сторон. Сражение в проходах театроне во всех подробностях видно и толпе из Тихе, у сцены внизу мнущейся в нерешительности, и стройным, ошетиленным сияющим металлом шеренгам хоревтов. Толпа Тихе теряет воинственный настрой. Подкрепления от зрителей поругателям устоев не дожидаться. Театрон без колебаний переходит всецело на сторону архонта-фермосфета, хоревтов, музыкантов, танцоров.

Рёв возмущения зрителей усиливает союзник-эхо театра. Со стороны города гул почти двадцати тысяч зрителей похож на жужжание огромного раздражённого осинового роя. Встревоженный полис покидает дома. Жители города заполняют улицы. Грозные звуки, доносящиеся из театра, боевой призыв сальпинги, громкие бранные команды построений из верфей Ахрадины, Ортигии откровенно пугают. В театре творится что-то неладное. События, там вершащиеся, не имеют никакого отношения к театральной литургии. Постоянная же перекличка

бранных салпинг из разных частей полиса непонятными шифрованными сигналами только подтверждает самые ужасные предположения.

Тревожные настроения на улицах заставляют мужчин, граждан полиса, взять в руки оружие, поспешить к театральной площади. Мрачное облако важности совершающегося делает лица людей насупленно-серьёзными. Так появляются среди встревоженных потоков людей часто мелькающие доспехи, шлемы, острия копий, дротиков, дубины, топоры, тяжёлые секиры, кинжалы, ксифосы. Три возбуждённые речки из жителей разных кварталов, граждан, метеков, рабов текут к театру. Речки пополняются всё новыми и новыми любопытствующими. Есть среди шумных людских потоков и женщины. Их, мирных, волнуют судьбы родственников, покинувших в праздничных одеждах ранее домашние очаги. Похоронно голосащих, жалобно причитающих, рвущих на себе волосы женщин утешают рядом идущие.

Посох власти в правой руке архонта-фермосфета указывает на толпу в серых грязных экзомисах. Толпа из Тихе неуклюже подаётся назад, к спасительным пародам, разделяясь у нарядной колоннады сены на две неравные части. Вожаки нападающих трусливо прячутся за спинами. Танцоры во главе с «богом Кроносом» первыми вступают в штурм мятежной толпы. Отступающие к пароду, враги двукратно превосходят атакующих. Полулох «Кроноса» вгрызается в мякоть серых экзомисов. Раздаются проклятья, вопли, стоны. Завязывается жестокая рубка.

Корифей Фрасикл получает приказ от архонта-фермосфета. Правый полулох под началом траpezита-парастата отделяется от общего построения, атакует с тыла серую толпу, огрызаящуюся отряду «Кроноса». Главное построение артистов и эфебов разворачивается почти что стройной фалангой к левому пароду. Толпа Тихе получает серьёзное подкрепление в две сотни бойцов с площади театра, сжимается, набрасывается на построение архонта-фермосфета. Траpezиты по команде Оропа разделяются на две равные части, пополняя ряды двух отрядов – «Кроноса» и «Архонта».

Но не только в пародах, у сены бушуют страсти людской ненависти. С улиц в театр доносятся звуки ещё одного сражения, где-то у стен домов Ахрадины, образующих площадь театра. Жуткие крики, перестук бронзы, падение тел – жестокая музыка мятежа. Зрители в гневе покидают места. Кто-то, а таких с две сотни горячих голов, пытается выбраться из театра опасным, оскорбительно-неблагопристойным способом через наружную стену. Главы и казначеи кварталов, гетерий и фил, влиятельные предводители фракций и родов всячески стремятся не допустить хаоса в проходах и на лестницах театрона. Их настойчивые указания услышаны. Подавив глгучее нетерпение, зрители в очерёдности медленно заполняют оркестру.

Однако небольшая оркестра, увы, не в силах вместить в себя разом двадцать тысяч желающих сражаться. Мятеж людей из Тихе не получает искомой поддержки. Сквернословные поругания от многотысячного театрона липнут к серым экзомисам. Желают немедленного гнева богов, лютой смерти, слепоты, болезней детям, бесконечных мучительных утрат для семей «врагов». Под неистово отпускаемыми поруганиями экзомисы утрачивают веру в скорый успех. Зрители подолгу ожидают очереди, чтобы спуститься с лестниц театрона. Те же, кому посчастливилось спуститься в оркестру, немедленно пускают в ход кулаки, локти, колени, зубы. Безоружные мужи в венках примыкают только к сражающимся шеренгам. Кинжалы павших мятежников находят новых хозяев.

Соппротивление людей из Тихе у колоннады сены раздавлено численным превосходством артистов и зрителей. Серые толпы, огрызаясь, отступают в пароды. Мятежники стремятся покинуть ненавистный им театр. В обоих пародах возникает медлительная толчея. Узкий изгиб-поворот под прямым углом в каждом из двух пародов – смертельная ловушка. Повороты закупориваются живыми и мёртвыми телами, как широкой пробкой в узком горлышке амфоры. О каменные углы поворотов отступающие бьются головами, стискиваются дав-

кой-толчейей до удушения. Ужасные вопли, предсмертные хрипы, мольбы о пощаде несутся к небу из пародов.

Атакующие не имеют жалости – убивают в спину отступающих. Раненые, умирающие, убитые мятежники затапываются беглецами и атакующими до неузнаваемости. Серые экзомисы на телах становятся красно-чёрными. Кости трупов под ногами переламываются. Лица павших обезображиваются. Внутренности растаскиваются. Тёплые лужи крови на камнях оркестры досуха осушаются подошвами ботинок, сапог, сандалий зрителей. За смертельными углами поворота, в прямом коридоре парода, проигравшие сталкиваются с прибывающим подкреплением сотоварищей по мятежу. Пять сотен кинжалов из Тихе рвутся в бой. Но свежие подкрепления и израненные отступающие не могут переломить ход проигранного сражения за оркестру. Серые экзомисы выдавливаются двумя наступающими отрядами артистов-зрителей прочь из театра на театральную площадь бога Диониса.

На площади топчется на месте ленивая битва. Тысяча мятежников скована – тремя отрядами, безуспешно, неся потери, в странной бестолковой нерешительности осаждают сотню храбрецов. Гости полиса, паломники с ксифосами в синих линотораксах, при чёрных дорожных чехлах-щитах, прижаты мятежниками к стенам домов. Короткими кинжалами осаждающие не могут сломить бравую выучку сплочённого лоха паломников. Молчаливые паломники обладают очевидным бесстрашием. Сотня паломников не боится противостоять тысяче экзомисов. Безуспешные наскоки на осаждённых стоили людям Тихе с пять десятков трупов и такого же количества серьёзно раненных. Среди осаждённых, умело владеющих ксифосами, потерь нет.

Из пародов театра раздаётся злой клич: *«Безбожники!»* Своды ворот пародов устремляют звук к осаждающим. Осада паломников прекращается. Трупы павших в серых одеждах остаются устилать площадь перед выигравшим осаду лохом гостей. Нападающие из Тихе разворачиваются всеми имеющимися силами к театру. Осаждённые паломники перестраиваются, меняются местами в рядах, готовятся к манёвру.

С улиц на театральную площадь прибывают недоумевающие граждане полиса. Вновь прибывшие застывают в мучительных раздумьях: *«На чью сторону встать?»* Выбор, где друг, а где враг, разрешается скоро. В пародах появляются отряды, составленные из артистов, хоревтов, зрителей, танцоров, музыкантов. Слева из парода разрывается в воинствующем призыве к атаке сальпинга. Граждане, метеки, женщины, рабы, все, кто держит оружие, устремляются волной на людей в серых экзомисах. Лох неизвестных паломников-воителей в синих линотораксах у стен домов оживает с могучим пеаном⁶⁰ *«а-ля Эниалий»⁶¹*!, смело атакует глупо обнажённый тыл мятежников.

Под началом лоха паломников в атаке мятежников принимают участие уже с семь сотен вооружённых горожан. Теперь люди из Тихе вынуждены отражать штурм бывших осаждённых. Паломники виртуозно владеют оружием. Осада у стен была лишь разминкой перед боем для синих линотораксов. Под яростным напором паломников мятежники безостановочно пятятся. Экзомисы медленно сжимаются неплотным кольцом окружения. Три улицы, что ведут к театру, полны горожан. Свободных путей к бегству у людей Тихе более нет. Не смешаться с мирными согражданами жителям мятежникам. Серые, грязные, грубые экзомисы – символы мятежников, их главная надежда в вербовке последователей бунта – смотрятся оскорбительно-непристойно на фоне праздничных одежд зрителей.

В свалке сражения на площади раздаётся громкий призыв мятежников: *«Тихе!»* Главный предводитель бунта, возвысившись над толпой, сидя на плечах товарища, указывает направление к отступлению, к храму Тихе. Ряды мятежников громко поют пеан: *«За Тихе! За Тихе*

⁶⁰ Пеан – хоровая лирическая песня Апполону, но в данном случае песня богу войны.

⁶¹ Эниалий – эпитет Ареса, бога войны.

умрём! За Тихе пойдём!» Призыв услышан не только последователями в экзомисах. Белая маска разворачивает построение шеренг, перекрывает улицу к кварталу Тихе, к отряду «Архонта» пробивается отряд в синих линотораксах, отрезая тем самым путь к отступлению. Далее командовать отрядом в синих линотораксах берётся певец в золотой маске богини «Эрис».

Два отряда «Архонта» и «Эрис», сомкнув боевые шеренги, решительно атакуют. Между кварталами Тихе и мятежниками – строи артистов, паломников. С три десятка изрубленных экзомисов падают ниц перед ними. Атака успешна. Среди прежде молчаливых паломников ликование. Буря бунта ищет выход из западни. К кварталам Тихе без боя не выйти. Мятежники предпринимая контратаку, в короткой схватке теряют ещё с сотню бойцов. Отряды «Архонта» и «Эрис» вновь наступают. Значительные потери мятежников дают о себе знать – серые экзомисы не выдерживают натиска второй атаки, подаются прочь, в противоположную сторону, к левому пароду. Перепачканные сажей печей лица людей из Тихе встречаются с перекошенными от злости лицами зрителей, покидающих театр, а также с удивлёнными ополченцами, что прибывают на зов сальпинг. Серые экзомисы теряют рассудок, нет среди них бранного порядка. План отступления хаотично меняется. Теперь мятежникам кажется лёгким путём спасения уже иной исход отступления. Люди из Тихе с дикими воплями отчаянья загнанных в ловушку набрасываются на малочисленный отряд «Кроноса», расположенный по центру горожан-ополченцев. За маняще-близким поворотом от театра искомое спасение – короткая улица выведет к открытым крепостным воротам.

Танцоры, хоревты «Кроноса» мужественно встречают атаку врага. Боевыми шеренгами гаморы-трапезиты сдерживают натиск экзомисов. Прибывающие ополченцы-горожане сплываются в оборонительный кулак по флангам «Кроноса». Сам же высокий «бог Кронос» в золотой маске раздаёт рубящие и колющие удары направо и налево, стоя в первой шеренге бойцов. У левого парода театра разворачивается отчаянная кровавая мясорубка. Зрители, что покидают оркестру, сразу же упираются в бока мятежников, орудующих кинжалами. Бронза мятежа преступно направляется против безоружных. Безоружные зрители храбро пускают в ход пустые кулаки. Среди зрителей множатся потери, но всё же число и умение биться перевешивает чашу весов. Мятежники пятятся от выходящих.

Отряд «Кроноса» достойно выдерживает натиск атакующей толпы. Серые экзомисы погибают от оружия танцоров. Волна, ударившись о скалу, окатив её брызгами крови, ниспадает. Потери среди людей из Тихе становятся очевидными для мятежников. Ряды бунта уже заметно поредели. Но люди из Тихе не намерены сдаваться. Вновь раздаётся злой пеан: «За Тихе! За Тихе! За Тихе!» С флангов «Кроноса» горожане переходят от обороны к штурму. Секиры, топоры, дубины крушат черепа. Крики с обеих противоборствующих сторон гулко отражаются от стен театра и домов. Шторм людской ненависти не знает пощады. Неистовство жестокости застилает глаза сражающихся. Всюду воцаряется безумие крови. Сражающиеся с обеих сторон добивают раненых, выбивают зубы, рвут волосы, вырывают кадыки, выкалывают пальцами глаза, отрывают уши, бьют коленями в пах, крушат кулаками виски, до смерти душат, ломают шеи, руки и пальцы в борцовских захватах.

От шеренг «Архонта» – «Эрис» вновь возносится призывом к атаке трубный пеан. Кто-то искусно грохочет в сальпингу. Даже шум брани не может заглушить пение сальпинги. Вот оно, время окончательного перелома в битве на театральной площади. Расклад сил у сражающихся сторон изменяется. Первоначальное превосходство в числе воинов бунтом утрачено. Толпы экзомисов обескровлены, выдохлись, не располагают резервами или свежими подкреплениями. Серых экзомисов на площади уже не более тысячи. Ряды же артистов значительно пополнились и продолжают пополняться добровольцами-гражданами, метеками, зрителями, прислугой, рабами.

Отряды «Архонта» и «Эрис», наступая с тыла, прорубают широкий коридор через толпу мятежников. В рубке погибает главарь мятежа. Рассечённая надвое толпа утрачивает былое

единство. Пытается воссоединиться, устремляется на встречный прорыв, но безуспешно, подкрепления из горожан-зрителей укрепляют и расширяют коридор. Два отряда серых экзомисов, оставшись без предводителя, никем не управляемые из сникших вожаков, быстро распадаются на группы. Боевой дух людей из Тихе окончательно сломлен. Разрозненные повторные попытки пробиться к кварталам Тихе и крепостным воротам отбиваются. Сражение перемещается на бойню.

Часть мятежников прижимается к стене сцены театра, падает на колени, сдаётся. Сдавшихся экзомисов обезоруживают зрители. Часть же мятежников, наиболее отчаянно сопротивляющихся, числом около трёх сотен, оказывается прихотью судьбы ровно там, где в самом начале «театральной битвы» оборонялся лихой лох паломников в синих линотораксах. Нет среди мятежников почтения к своим павшим. Экзомисы, отступая под ударами «театральных отрядов», наступают ногами на тела бездыханных товарищей. Оставляют на растерзание победителям стенающих в мольбах раненых. Шлёпают босыми ступнями по лужам крови. Сбиваются в осаждённую бесформенную кучу у белых стен, сложенных из сырцового кирпича. Готовятся принять смерть в скоротечном бое. Наставлены кинжалы на граждан. Бронза мятежа затупилась в схватках, покрыта кровавыми зазубринами.

Никто не предлагает сдаться. Никто не хочет сдаваться. Выбор судьбы очевиден. «Безбожники!» – едкое ругательство звучит голосом привычным-знакомым. Драматург поднимает высоко над головой окровавленный кинжал. Отряд «Эрис» подхватывает пеан: «Безбожники! Безбожники! Умрите!» Среди голосов отчётливо слышен голос командира Граника в маске с ликом богини. Но первыми нападают на мятежников отнюдь не уставшие хоревты. Горожане, как ополченцы, так и зрители из театра, набрасываются с правого фланга на серые экзомисы. Два отряда «Архонта» и «Эрис» остаются без движения. Пленных у этих стен не берут. Крики, вопли, стоны, предсмертные хрипы дополняют пеан сальпинги. Наконец-то звучит тяжёлым басом Оропа давно мечтаемо-желаемое: «Победа! Победа! Победа!»

В левую руку архонта-фермосфета кто-то нежно вкладывает плетёную кожаную рукоять трофейного кинжала. Гермократ поворачивает лицо в белой маске. Перед ним предстаёт улыбающаяся, с растрёпанной причёской, в забрызганном кровью наряде... дарительница «Сибарис домашняя». Позади дарительницы гордычка-жена Мегиста со знаменитой бранной сальпингой.

4. «Нечестивцы!» (Сибарис)

Раннее утро дня литургии двух всадников.

Сибарис следует за Мегистой. Лёгкой походкой скифянка вторит эллинке. На два коротких шага позади молчаливой тенью спешит за важной хозяйкой. С собой прикрывает спину Мегисты. Сибарис не надо учить манерам добрых. Высокую, прекрасно сложенную красавицу скифянку со стороны можно ошибочно принять за аристократку гаморов, так грациозны её танцевальные шаги. С пяти коротких шагов никто не скажет, что Сибарис вольноотпущенная, совсем ещё недавно рабыня, подаренная на рынке агоры торговцем Писандром Гермократу в довесок к прочим покупкам. Умное лицо девушки благородно. Нет в правильных чертах скифянки рабского испуга, подобострастной готовности «прислужить» или глубоко сокрытых обид на несправедливую долю в жизни. Скифянка не познала горьких унижений рабства. Сибарис не рядовая прислуга, Сибарис в семье Гермократа полноправная компаньонка. Только пронзительно-голубые глаза да белокурый природный цвет волос выдают истинное происхождение девушки.

В простом формованном трапециевидном чехле для двойного авлоса, что за спиной скифянки раздулся странно кожаными боками, сокрыто до поры много необходимых вещей для дня литургии двух всадников. В изящных тонких руках Сибарис расписная амфора, бог Дионис величественно восседает в золотом кресле. В амфоре плещется вино дорогое, сицилийское, лучше с наделов хозяина, для жертвоприношения. Компаньонка сиракузской аристократки достойно несёт дары. Не ломает спину под тяжестью ноши.

Девушка одета в одинаковые роскошные одежды с Мегистой. Тёмно-синий пеплос из тонких египетских тканей элегантно обвивает щиколотки ног при ходьбе. Чёрная накидка с выпуклыми узорами плетения, из прохладной шерсти для лета, подчёркивает девичью стройность компаньонки Мегисты. Причёска, высокая, пышная, сложная, с разноцветными лентами – точная копия праздничной укладки светлых волос жены архонта-фермосфета. Девушка счастлива. Сдержанно улыбается. Её глаза искрятся весельем. Впервые почти равной эллинкам Сибарис отправляется на торжество, богам посвящённое, вступает на камни моста Ортигии. Запах моря окутывает девушку. Сибарис глубоко вдыхает дыхание тёмно-зелёно-синих волн. Закрывает глаза в блаженстве. Утро нового дня щедро обещает дары.

– Аристарх почтенный, прошу тебя, отдай авлос. Буду веселить вас в дороге. – Мегиста обращается перед мостом Ортигии к отставшему гамору. Заполучив двойной авлос и форбею, аристократка оглядывает довольным взглядом компаньонку. Сибарис опускает глаза под её взглядом. Мегиста отворачивается. Жена архонта-фермосфета приветствует следом за мужем всадников Мирона и Граника. Двойной авлос в правой руке поднимается к небу.

– Хайре, гаморы! – поёт медово-сладким голосом Мегиста перед Сибарис. Скифянка почтительно кланяется всадникам на мосту. Мегиста оборачивается к Сибарис. Девушка выказывает понимание хозяйке. Сибарис останавливается. Аристократка открывает мешок для авлоса. Вынимает бранную сальпингу, мило улыбается всадникам, подмигивает, корабельная труба занимает прежнее место.

– Почистила бронзу, моя Сибарис. Вижу, постаралась, – шепчет в благодарность служанке Мегиста. В голосе хозяйки нет беспокойств, страха или тревоги. Мегиста заразительно спокойна. Двойной авлос принакает к губам аристократки. Авлос жены Гермократа беззаботно-весело насмешничает.

– Рада буду умереть сегодня за родную семью, – едва слышно, только для ушей Мегисты, раздаётся от Сибарис. Двойной авлос аристократки после слов скифянки играет чуть громче.

Мост переходит во владение кварталов Ахрадины. Широкие улицы чисты, пустынно. Впереди агора Ахрадины шумит новостями, сплетнями рабов, торгами, криками надсмотрщиков, перетаскиванием грузов, скрипом колёс телег. То скучно-привычные шумы города. Сибарис быстро оглядывается на Ортигию. Тяжёлые крепостные ворота острова бесшумно затворяются. Створки смыкаются на глазах скифянки. На высоких башнях острова появляется стража эфэбов. Короткие копья, шлемы, гопланы на каменных вершинах блестят звёздочками, переливаясь бронзой в лучах восходящего утреннего светила. Более всего этим утром Ортигия напоминает боевой корабль, что вот-вот пристанет к скалам Сицилии. Как знать, быть может, это последний раз, когда видишь живым дом свой? Однако никто из шествующих в театр, кроме Сибарис, не оглядывается назад. Плохая примета – утром искать путь назад. Девушка машет рукой на прощание Ортигии. Несколько золотых звёздочек с башни ворот поднимаются наверх, во взаимности ей отвечая.

Миновав агору Ахрадины, искупавшись в причудливом смешении резких запахов рынков, шествие гаморов встречается с благоухающими дорогими ароматами масел духов трапезитами. Для гаморов у расчётливых трапезитов припасены очаровательные маски-лица. Несколько сотен богачей, граждан и метеков молчаливо приветствуют гаморов. Сибарис не впервые видит «деловых людей с агоры». Не впервые видит их искренность. Скифянка излучает восхищение приёмом трапезитов, оказанным драгоценному хозяину. Сибарис словно сама принимает приветствия. Так приятно видеть широкие объятия, поглаживания лопаток, негромко сказанные пожелания процветания, крепкие рукопожатия, подаренные любимому человеку.

Девушка улыбается. Сияет улыбкой так чистосердечно-тепло, слегка наивно, становясь в лице «милым ребёнком», что умудрённый Ороп прищуривает глаза, уделяет краткое время осмотру компаньонки Мегисты. Жена Гермocrates перестает играть на авлосе, медленно оборачивается к Сибарис, пытаясь понять причину изумления главы филы трапезитов. Мегиста ревнует, но бакхиадка из рода Ксантиклов слишком горда, чтобы выказать чувства. К трапезитам Мегиста возвращается безлико-равнодушной. Сибарис же заливаётся краской смущения. Фила известных богачей смотрит на белокурую красавицу сотнями пожирающих глаз. Без стыда трапезиты накидывают на скифянку невидимое покрывало, сотканное из мужского вождения, опьянения юной красотой, признания за Сибарис женской неотразимости.

– Достопочтенный Гермocrates, я не могу открыто восхищаться твоей... уникально прекрасной женой, это будет воспринято за оскорбление чести и достоинства, но могу высказать допустимую лесть... *о твоём тонком вкусе...* в женской красоте. – Ороп осмотрительно предотвращает зависть-ревность Мегисты. – Смелость твоих людей для меня более неоспорима – идёте семьёй в театр. Ничто не может остановить празднование бога Диониса. Ну тогда и нам не страшно. – Влиятельный глава могущественной филы преподаёт урок взаимного уважения.

– Надеюсь, трапезиты с гаморами хорошие друзья, мой достопочтенный архонт-фермофет? – Деловые люди агоры переводят слова главы филы в хлопки рук. Гермocrates ласково хлопывает по плечу друга Оропа. Мегиста вновь играет на авлосе. Авлос играет немного по-другому – нежнее, хитрее, бархатистее, но всё с той же ноткой нагловатого веселья.

– Мы с вами наилучшие преданные друзья, мой отважный Ороп. Аполлон свидетель словам моим. – Гермocrates твёрдо отвечает на «шутливый» тон Оропа. В разговор вступает торговец, аркадец, метек Писандр, слышатся шутки о будущем его духов. Писандр не обижается на саркастические реплики трапезитов, смеётся, выдаёт треском сороки припасённую для утра скороговорку, указывает обеими руками на Мегисту:

*Идём погибать в театр под песни благие,
но умрём ли там*

мы?
Жребий богов ещё не свершился, песни не спеты,
выживет тот, кто
храбрее.
Эрис заботливая, богиня раздора, крыльями бронзы
прикроет нас от
врагов.
Как же приятно жить, зная и поджидая
время испытания
верно!
Как же приятно доставить всесильным богам
угощение двойное
артистично.
Как же приятно людям храбрость явить,
в царство мёртвых уйти
героями.

– «Мы храбрее врагов... верно. Артистично героями...» будем. Завтра, Писандр, пришли мне спетые строки на папирусе записанными, в ритме разбитыми, – требует тут же властным тоном Ороп у чтеца.

– Лично начертаю слова «гимна достопамятного утра», мой досточтимый Ороп. – «Лиса торговли» Писандр низко склоняет сидящую голову в венке перед главой филы.

Трапезиты-гаморы одобрительно смеются второй раз, поворачиваются к автору строк, поэтессе Мегисте. Писандр получает заслуженные хвалы за исполненную скороговорку. Красавицу Мегисту трапезиты осмотрительно остерегаются осматривать даже в присутствии благодушно настроенного архонта-фермосфета. Для трапезитов Мегисты с авлосом словно бы и нет. Похвалы поэтессе достаются только её мужу. Шествие к театру продолжено. Гермократ, Ороп с жертвенной козой от трапезитов, Аристарх с козой от гаморов возглавляют ряды деловых людей Ахрадины. Замыкает непрерывно увеличивающийся комос Мегиста с компаньонкой Сибарис. Трапезиты-гаморы неспешно, торжественно вышагивают по камням улиц. Накрахмаленные, тщательно отутюженные одежды празднично шуршат при шагах нескольких сотен богатых зрителей. Сибарис тихо шепчет в безмятежное небо молитву-тревогу:

– О, мать-богиня, великая Табити! Тебя, богиню-защитницу, я вопрошаю: останусь живой или умру? А если умру, то кем и где я воскресну? – Мегиста слышит шёпот компаньонки. Двойной авлос напевает положенные фривольно-весёлые шутки комоса. В небе Сиракуз появляется величественный орёл. Хищная птица свободно парит над улицами. Сибарис выдыхает тихо-тихо, очень счастливо:

– Благодарю за знак, моя возлюбленная богиня. Спасибо, что пришла на мой зов. Спасибо, великая мать Табити, с тобой мне не страшно умереть... – Мегиста поднимает двойной авлос. Продолжая игру, аристократка всматривается в парящего орла. Авлос добавляет ноты восхищения в непринуждённые мелодии комоса. Возможно, ревность, испытанная к компаньонке-скифянке, слегка позабылась? Удивительно, но, кроме двух девушек, никто из шествующих не видит кружащего орла. Мужички в оливковых венках всецело поглощены приятельскими разговорами далеко не праздного свойства: обменом видов на пшеничные сделки нового урожая, заблаговременной арендой мельниц, процентами денежных ссуд для разных категорий землевладельцев. Отзываются, иронично балагурия, на приветствия всякого у стен стоящего. До синего, в белых редких облачках неба им, занятым распределением финансов, нет дела.

Сибарис спокойна. До скифянки долетают приятные слова сплетен. Двух девушек встречные зеваки обоих полов лишь только восхваляют. Виднеется театральная площадь. Гаморы,

трапезиты, участники литургии приветствуют архонта-фермосфета и зрителей. Двойной авлос Мегисты замолкает. Хозяйка передаёт музыкальный инструмент компаньонке. Форбея расстёгивается. Брови Мегисты грозно сходятся на переносице:

– Сибарис, я красивая? – Дешёвой лестью не провести аристократку. Мегисте требуются клятвы?

– Ты единственная, моя хозяйка. Я помню твою заботу обо мне. Ты спасала меня от голода на судне. Я докажу тебе свою преданность. – Сибарис приносит требуемую клятву. Взгляд бездонных голубых глаз искренен в заверениях.

– Ты видела, Сибарис, что священные птицы Артемиды, перепёлки, весной гостили на Ортигии? – Мегиста прикладывает кончики пальцев к губам компаньонки. Сибарис целует пальцы Мегисты.

– Да, видела весной птиц. Артемида защитит нас сегодня. Это знак нам от богини. – Голос скифянки твёрд. – Старуха сменилась девственницей⁶². Если твоя душа сегодня расстанется с телом, то примет вид перепёлки? Ты улетишь к Артемиде?

– Моя Сибарис, ты всё понимаешь. После литургии я свожу тебя к источнику Дафниса⁶³, ты принесёшь жертвы в лавровой роще, покачаешься на качелях между двух священных сосен⁶⁴, богини даруют тебе счастливую любовь.

– Благодарю, гамор Мегиста, за тайнства лунных богинь. Я постелю на угли очага Гестии коноплю, лавр, ячмень. Пролью в жертву бычью кровь⁶⁵, дам тебе её испить у очага. Ты узнаешь волю ревнивых богинь. – Сибарис недолго остаётся в долгу. Обещание на обещание.

– Умеешь играть на двойном или обычном авлосе? – Брови расходятся удовлетворённо от переносицы. Ревность улетает прочь. Впереди дорога страшных испытаний, ссориться с подругой-компаньонкой Мегиста не желает.

– Так, как играет гамор Мегиста, нет. – Тёплая улыбка хозяйки становится ответом «многочисленной Сибарис».

Верфи Ортигия. Раннее утро дня литургии двух всадников.

– Тисамен, ты что задумал? – Управляющий верфью удивлён странной активностью художника. – Меня в замысел посвяти.

Маляр охвачен лихорадкой творчества. Тисамен на каменных плитах пола верфи у правого борта триеры сколачивает обрезки струганных досок. Подгоняет куски ели старательно плотно, без малейших зазоров-щелей. Тисамен отставляет почти завершённую работу, встаёт над правильным квадратом размером четыре на четыре локтя.

– Чтимый управляющий Харакс, намереваюсь на ненужных корабельных древах изобразить богиню *Тихе*, щедро дары раздающую. – Тисамен отчего-то уверен в получении дозволения на художества от управляющего верфей.

– Волнующе изображай покровительницу Тихе. Сицилийку-эллинку рисуй. С первого взгляда каждому должно быть понятно, – Харакс встаёт в позу оратора, – вот как глаза на картину поднял, сразу образ сложился – сицилийская Тихе пред ним, а не какая-нибудь там... привозная афинская. В лице Тихе божественную негу дарительницы счастья передай. Повяз-

⁶² Три фазы луны были связаны с тремя фазами матриарха: молодая луна – девственница, полная – нимфа (брачный возраст), убывающая – старуха.

⁶³ Дафнис – сын Гермеса. Сицилийский юноша, изобретатель буколической (пастушьей) поэзии. В отместку за нарушенную клятву верности нимфа Номия выколола ему глаза.

⁶⁴ Качание девушек на качелях во время Больших Дионисий имело магический смысл – полукруг полёта качелей символизировал восхождение и закат новой луны.

⁶⁵ Бычьей крови приписывалась огромная магическая сила. Бык (Тавр) олицетворял Солнце и Аполлона. Только жрицы матери-Земли могли её пить без вреда.

кой глаза не закрывай, просто опусти ей ресницы, словно спит. Пусть красота богини будет очевидно зрима. Когда с повязкой Тихе вижу – теряю восхищение. Только на повязку и смотрю. Но ведь от повязки характер богини переменчивый, не от слепоты Тихе щедрая для избранных ею счастливцев. Понимаешь меня, художник Тисамен?

Тисамен молча кивает, преданно смотрит в глаза управляющего верфей, соглашаясь с детальным видением Харакса образа богини.

– Может быть, твоя рисованная богиня Тихе вызовет нас из верфей? Право, последняя надежда на твою картину. Увидит богиня Тихе свой образ, поможет нам покинуть тюрьму. Чем рисовать будешь? Углем? Нет? Сразу, без наброска, кистями?

Управляющий разрешительно машет молчуну рукой. Лёгкие сомнения в способностях Тисамена проскальзывают тенью по лицу управляющего.

– Надеюсь, у тебя, Тисамен получится, как получилось в прошлый раз, на свадьбы гаморов. Краски дорогие только бездумно не переводи. На один слой рисуй. Без золота обойдись. Золото у нас заказчики забрали. Серебро есть – используй его. Киноварь, краски, лак возьми из запасов. Возьми столько, сколько разумно потребуется.

Проявив разумную щедрость в священных искусствах, Харакс горбится, шаркая сандалиями, удаляется к роскошному резному ложу из собственного дома. Тисамен прижимает руки к груди. С радостью, безумно блестя глазами, маляр возобновляет прерванную работу. Но увы, совсем ненадолго. Тисамена отстраняют, вежливо, впрочем, прочие мастера. Вынужденное безделье нечем занять искусным рукам. Работники отправляют Тисамена готовить краски. В три пары рук мастера высверливают в досках неглубокие отверстия. Старший мастер по сборке лично скрепляет на клей деревянными гвоздями раму и доски. Проводит ладонью по поверхности досок. Остаётся недовольным их гладью. В две руки работники полируют поверхность, закругляют края, придают квадрату завершённые пропорции. Прикрепляют тонкими скрепками к бокам квадрата узкий ремень для подвешивания.

– Твори, Тисамен, будем любоваться твоими стараниями над образом богини. – Старший мастер по сборке торжественно выставляет чистый правильный размерами квадрат на свет. Три камня у наружной колоны верфи становятся опорами для художника. Тисамен встаёт на камни, водружает квадрат на бронзовое крепление факела. Утреннее солнце освещает доски. Тисамен принимается за грунтовку поверхности. Нанеся грунтовку на доски, маляр разводит краски, готовит тонкие кисти из конского ворса. Работники занимают места на площадке перед верфью.

Тисамен не заставляет товарищей по гетерии долго ждать. Поверх грунтовки наносится матово-чёрный фон. Тёплый ветер с моря дружелюбно сушит краску. Не дожидаясь полной просушки краски, художник берётся за работу. Тыльным острым концом кисти Тисамен процарапывает на чёрном фоне набросок картины. Где-то вдалеке раздаются первые звуки театрального представления, повергая работников, мастеров и управляющего в печаль. Отложив кисть, Тисамен беззвучно, стоя на коленях, молится.

– Правильно-правильно, Тисамен. Испроси согласие у богини Тихе на картину. – Работники верфи, управляющий теряют интерес к трудам художника. Выстраиваются в линию, вытягивают шеи, вслушиваются в обрывочные звуки ликующего театра. Город затихает. До верфей доносятся аплодисменты зрителей. «Слушатели трагедии» из Ортигии долго наслаждаются праздником. Фантазия подсказывает возможный ход постановки. Управляющий шумно-горько вздыхает:

– Эх-эх! Моя жена-красавица, смешливая Клитемнестра, – управляющий закрывает глаза, вспоминая горячо любимую, – наверняка с родственниками в театре именно в этот момент радуется песнопениям. – Харакс открывает глаза, сжимает в гневе кулаки. – А я, горемычный, утратил свободу. В вечное рабство к гаморам попал. А поплыви она морем! – Харакс ненавидяще смотрит в огромный глаз триеры.

Слова управляющего вызывают сочувствие у работников. Мастерские верфей тяжело сопят, злясь на несправедливую долю заложников боевой триеры. Но тугие кошельки, полные серебра жалования, висят приятным грузом на поясах, запечатывают уста для протестов. В театре поёт бранная сальпинга. Неожиданно далёкой театральной певице отвечает такая же недовольная сальпинга с ворот Ортигии, потом рывкает сальпинга с верфей военных Ахрадины, тянет протяжно-зло с гимназия третья сестра-близнец.

Лох гоплитов-гаморов перестаёт прикидываться спящими брёвнами. Гаморы оживают, брэнча на ходу снаряжением, оружием, выходят из тени стен верфи. Лица у гостей верфи суровые. Поправляются португепи, доспехи, закрытые спартанского типа шлемы надеваются на головы. Копья обнажаются. Командиры строят воинов в... *боевые шеренги!* Мастерские, управляющий поражены непонятным праздником войны, что разворачивается прямо перед ними. Только маляр верфей Тисамен, всеми забытый, ничему не удивлён. Юноша берёт в руки тонкую кисть, неглубокую чашку с приготовленной краской, становится перед чёрным квадратом картины. Солнце умиротворяющими лучами ласкает темя художника из кварталов бедняков Тихе. Светило терпеливо ожидает продолжения творчества Тисамена.

Театр. Литургия двух всадников. Окончание пролога.

Как только на орхестре появились выходцы из кварталов Тихе в серых экзомисах, с лицами, перепачканными печной сажей, Сибарис, не дожидаясь чьих-либо указаний, пригибается к лежащему у ног тяжёлому чехлу двойного авлоса. Мегиста спокойно рассматривает мятежников, короткое оружие в их руках, переводит взгляд на мужа. Гермократ оборачивается к жене, утвердительно бросает короткий хмурый взгляд, успеваешь оценить действия сосредоточенно-суровой Сибарис. Скифянка-компаньонка на глазах архонта-фермосфета протягивает хозяйке сальпингу. Мегиста застёгивает форбею, покидает место одновременно с мужем. Гермократ поднимает к небу посох архонта-фермосфета.

Сальпинга Мегисты подаёт общеизвестный сиракузский военный клич к атаке. Звук бронзы резко громкий. Театрон, сцена усиливают сердито-угрожающе-злой, в трёх разных размеров, накатывающих друг на друга штормовых волнах, пеан. Первая волна в пеане медленная, вторая – высокая гора, третья – резкий прыжок вниз с высоты. Ничего не подозревающие благодушно настроенные зрители вздрагивают от рёва бранной трубы. Неистовая песня войны, повторённая два раза, оглушает Сибарис. Девушка туго затягивает узел чехла авлоса. Нет в пустом нутре чехла простых киафов, что остаются лежать на пустующих соседних местах, нет в нём вкусных сладких пирогов, что съедены, внутри кофра только полоска бронзы, не тонкая, в гоплон толщину, вырубленная по форме чехла, крепко пришитая через отверстия к коже кофра. Лямки кофра расстёгиваются, скручиваются надёжными поручнями на левой руке, снова застёгиваются в пряжках. Чехол двойного авлоса надет на руку. Повисает на лямках. Формованный трапециевидный чехол становится щитом.

Сибарис решительно встаёт. Из складок тяжёлого плаща появляется нагой обоюдоострый кинжал размером с ксифос. Скифянка по-мужски готова к битве. Мегиста поднимает подол одежды, спешит по ступеням к мужу. На ходу распевает пеаны в сальпингу. Мегиста необычайно ловка, два сложных дела ловко спорятся – лестница театрального преодолена и бранная сальпинга призывы поёт. Сибарис бежит, не отставая, прикрывая спину. Девушки пополняют тыл отряда «Архонта». Сибарис лишь мельком видит заветную белую маску. Хоревты зачисляются в свои ряды новоприбывших.

Нет пренебрежительно-уничтожительных усмешек – эфебы молча предоставляют места по центру шеренги. Места достались воительницам почётные. Это проявление исключительного уважения юношей-гаморов к девушкам Ортигии. В короткий момент, расступаясь в шеренгах, хоревты словно дарят сердца сёстрам, что разделяют без страха бранный удел

мужчин. Искренность чувств неоспорима. Ощущение родства так сильно, ярко, вкусно, что девушки распрямляют спины от дрожи. Сибарис восхищённо принимает дружбу воинов. Улыбается. Девушки словно вливаются в огромную семью. Лица гаморов-трапезитов возбуждены запахом близкой смерти. Зрачки глаз певцов расширены, ноздри раздуваются от гнева, зубы сжимаются до скрежета, руки сжимают оружие.

Сибарис упирается левым плечом в крепкое плечо молодого гамора, правым плечом в мягкое плечо Мегисты. Опускает обнажённый кинжал остриём к камням оркестры. Девушка синхронно дышит с дыханием боевой шеренги. Сибарис – частичка огромного зверя, приготовившегося к жестокой схватке. Перед лицом Сибарис чья-то густая копна чёрных, в частых завитушках, жёстких волос. Резкий запах пота висит в воздухе над шеренгами. То не обычный водянистый пот соревнующихся юношей в гимнасии. Тот пот иной густым оттенком, в нём тревога, ожесточение, ненависть, жажда войны, безумие воинов.

– Шеренги, к атаке готовься! – Этот родной голос обожаемого мужчины Сибарис опознаёт безошибочно. Девушка поворачивает лицо к Мегисте. Хозяйка поднимает к небу голову. Сальпинга безумствует гневом в нежные облака. Синее небо тут же меняет прозрачный цвет на бордово-красный. Посох архонта указывает направление атаки. От отряда отделяется правая часть, спешит, атакуя, на помощь отряду Мирона. Сибарис не успевает отследить перестроения. Шеренги, а за ними девушки шагают короткими, отчётливыми, танцевальными шагами на врага. Сальпинга Мегисты удлиняет песню, в перекаты гнева безумия добавлен продолжительный монотонный звук, как поток реки ненависти боя.

Впереди, за три шеренги, от Сибарис кричат убиваемые серые экзомисы. Звуки сражения перекрывают сальпингу. Но Мегиста не замолкает. За шлемами первой тяжеловооружённой шеренги короткие копья впиваются в толпу мятежников. Копья эфэбов жадно пьют кровь. Вопли людей долгие, переходят в предсмертные хрипы. Шеренги напирают на толпу, разделяют её на половинки. Ещё один взмах посоха старшего командира в белой маске – боевые шеренги выучено-слаженно разворачиваются налево. Сибарис и Мегиста повторяют перестроение. На их глазах разворачивается отчаянная рубка за левый парод. Вокруг Сибарис бушует невиданная жестокость, сдобренная отборной руганью, пением сальпинги, звоном оружия, в какой-то момент девушка словно утрачивает слух. Испытанное ощущение родства с незнакомыми гаморами-трапезитами озаряет пунцовой краской лицо скифянки. К отряду прибывает подкрепление трапезитов, тех самых деловых людей Ахрадины, что недавно обсуждали виды на урожай.

Перелом в битве на оркестре театра приходит неожиданно внезапно, после отражения контратаки подкрепления экзомисов. В очень долгой упорной рубке толпа мятежников смята. Враги подаются в отступление. Теперь белая маска хорошо видна Сибарис. Посох судебной власти указывает на тёмный проём парода. Боевые шеренги напирают на отступающих. В пароде образуется давка. Оружие артистам более не нужно – враг сам убивает себя в толчее. Камни стен парода в крови, моче, кале, обрывках волос, кожи. Убитых мятежников оттаскивают прочь, дабы расчистить выход на театральную площадь. Сибарис погружает ноги в непонятную липкую тёплую воду, наступает на чьи-то руки-ноги, переступает через трупы. Входит в парод. Настроение большой семьи радостное. Семья воителей-артистов дышит легко. Первый акт сражения выигран. Шеренги несдержанно ликуют. Воины только что выдержали первое бранное испытание. Вокруг слышны громкие ободряющие возгласы. Словно бы юноши поглаживают друг друга по голове. Появляется надежда на победу в сражении. Пользуясь затишьем, Сибарис вынимает из ножен второй кинжал. Трогает за руку Мегисту, передаёт хозяйке оружие. Парод вот-вот закончится. Раздаётся громкий возглас:

– Наши у стены за нас сражаются!

– Их окружили! – страдальчески продолжает эфэб первой шеренги с возвышения парода. – Их убивают!

– Друзья погибают за нас! – плачет в голос свидетель. – Друзья!
– *Нечестивцы!* – Эфебы в пароде гудят злостью. – Тысячами напали!
– *Нечестивцы!* – сокрушаются шеренги в глубине парода. Высокий каменный свод парадного входа в театр стонет булькающим отзвуком ругательств.

– Поможем друзьям! – Возглас глашатаев подхватывается остальными шеренгами.

Темнота парода разрывается ярким светом бордового неба. Чёрное светило запуталось в разрывах утренних облаков. Посох архонта указывает на черепичные крыши домов Ахрадины. Белая маска исчезает из виду Сибарис. Девушка приставляет чехол-щит к груди. Боевые построения потоком устремляются из узкого парода на штурм путчистов, в пылу атаки теряют прежнюю стройность. Шеренги разламываются на дробные, по пять-шесть хоревтов, доли в сражении. Надвигающиеся толпы серых экзомисов, напротив, сплочённо-плотные.

Прямо перед Сибарис возникает чумазое лицо. Девушка без раздумий бьёт кинжалом врага полной силой, снизу вверх, под дых. Рот мятежника широко открывается. Раненый враг дышит в Сибарис тяжело, прерывисто, сбивчиво, обдаёт вонью гнилых зубов. Девушка резко выдёргивает кинжал из обмякшего тела, вновь вонзает в живот. Горячая кровь окатывает пальцы правой руки Сибарис. Лицо мятежника утрачивает глаза, нос, брови, превращаясь в один бездонный рот. Враг уже не человек, нет у него имени, нет у него души, есть только зловонный рот, наполненный коричневыми гнилыми зубами. Вопль боли вперемешку со слюнями окатывает Сибарис и Мегисту.

Товарищи убитого бросаются на девушек. Серые экзомисы предчувствуют лёгкую добычу. Два бездонных смердящих рта в бесформенных рубищах бегут на девушек. Сибарис заслоняет собой Мегисту. Врагам в ноги громко проговариваются непонятные слова-заклятия на тягучем скифском языке. Заклятия сбываются. Один из атакующих запинаясь о выбоину камня площади, переламывает пальцы ноги, падает больно-неловко на колено. Пара атакующих распадается – совместное нападение на девушек изначально не задаётся. Узорные татуировки на руках Сибарис оживают. Волки терзают оленей. Танец смерти переходит из рук в кинжал. Нет жалости, нет и трусости у Сибарис.

Дева-скифянка верна принесённым клятвам – отражает колющий выпад нападающего. Кофр принимает удар. Кинжал от удара о бронзу выпадает из руки нападающего. Оружие Сибарис в ответ вспарывает живот врагу. Серый экзомис рушится ниц, руками удерживая выпадающие внутренности. Хромающий мятежник Тихе заносит клинок над головой. Скифянка опережает врага – её кинжал бьёт в левый бок, точно под рёбра, затем в солнечное сплетение. Кинжал врага выпадает из руки, подпрыгивает на камнях площади. Дикие вопли умирающих привлекают внимание хоревтов. Брешь закрывается шеренгами. Сибарис умело орудует кинжалом, добывая в шею раненых противников. Твёрдая в прочности, бычья кожа её друга-кофра порезана в нескольких местах. Золото бронзы тайного щита девушки выглядывает на свет. Трое серых экзомисов лежат поверженными пред победно поющей сальпингой.

Со сцены театра на головы мятежников обрушивается град керамической плитки из разбираемой крыши. Плитка, а за ней доски с гвоздями от самого перекрытия, отправленные вниз женскими руками, точно, со свистом находят жертв в плотной толпе серых экзомисов. Театральные обломки пробивают головы, ломают кости, калечат глаза, забивают до смерти жертв. Яростное нападение со сцены театра вынуждает мятежников отступить подальше от стен. Два десятка трупов в серых экзомисах становятся поводом для мстительного торжества большого женского отряда сцены. Ликующие женщины находят сладкие слова и для «певицы Мегисты», и для «её смелой варварки». В лихорадке сражения на площади подвиги Сибарис и Мегисты не остаются незамеченными. У атакующих хоров появляется спасительная передышка для наведения порядка в боевом построении.

Гамор Фрасикл, бравый корифей, рискуя жизнью, выполняет на флангах приказ стратега Гермocrates. Белая маска же сдерживает эфебов-гоплитов по центру. Властные окрики по име-

нам архонта-фермосфета возвращают увлечённых сражением, опрометчиво подавшихся вперёд хоревтов обратно в строй. Не может быть иной веры в битве, чем дисциплина общего боевого построения. Победа над врагом сокрыта в хладнокровии. Глава филы Ороп, потрясая над головой ксифосом, призывает к порядку среди сражающихся трапезитов-торговцев Ахрадины. Предводитель трапезитов более всего со стороны напоминает в этот славный момент разъярённого, могучего сложением гиганта-кабана, наставляющего клыки на обидчиков. Младшие командиры певческих десятков снуют между воинами. Единоличные поединки ради славы стараниями старших и младших командиров пресекаются. Полуторасты хватают за плечи обезумевших в рубке храбрецов. Трясут, кричат в уши приказ, тянут назад к товарищам. Рассыпавшиеся боевые шеренги восстанавливают утраченный порядок. Серые экзомисы тоже подготовились к противостоянию. Враг сплочённо, одновременно с трёх сторон, штурмует артистов.

Сплотившаяся фаланга хоров, трапезитов уверенно отражает штурм, переходит в контратаку, уверенно теснит численно превосходящих мятежников. Налицо отличная бранная подготовка гаморов-трапезитов. Линотораксы, щиты-кофры оружейных мастерских Гермocrates спасительно держат удары кинжалом. Экзомисам нечем ответить артистам. Ловкости в ближнем бою нет, оружие по большей части плохого качества, крошится-ломается, план штурма шеренг не отработан в построениях. Понесены неоправданные чувствительные потери, противник подаётся назад от парода, разбивается в разрозненные отряды, вновь готовится к повторной атаке.

Сальпинга Мегисты правильно, не сбиваясь, радостно выдувает ритм бранного шага: «Левая-правая-левая-правая». Тяжеловооружённые эфебы расставлены по воле белой маски на краях обоих флангов атакующего построения. Эфебы прикрывают гоплонами ряды легковооружённых товарищей. Кто-то из трапезитов со словами восхищения надевает на шею Сибарис плетёную кожаную цепочку с тяжёлым бронзовым окровавленным кинжалом. То трофеем девушки с убитого врага.

В оркестре, пародах, на пустых участках театральной площади зрители беззастенчиво собирают убитых мятежников. Нагрудные щитки, кожаные шлемы, кинжалы, длинные домашние ножи, топоры, дубинки, ксифосы и даже костяные, деревянные, каменные талисманы Тихе, фаллосы на крылышках, обретают новых хозяев. Окровавленные трофеи с трупов обязательно должны принести удачу в брани. С три сотни лихих рекрутов, зрелые мужи из кварталов Теменитеса и Ахрадины, встраиваются полуторастами-вербовщиками в боевые шеренги, заполняя растянутые фланги артистов. Новые шеренги из зрителей атакуют серые экзомисы. Отвоёванное пространство заполняется новыми добровольцами, прибывающими из театра. Горожане-ополченцы со стороны улиц Теменитеса с пеанами «а-ля Эниалий!» яростно вливаются в рубки с мятежниками. Хотя сражение всё ещё неистово бушует волнами атак-контратак на театральной площади, его участники уже чувствуют свершившийся перелом в песни брани.

Верфи Ортигии. В то же самое время.

– Что происходит у театра? Битва? Кто против кого? Неужели на нас подло напал Карфаген? Или на нас пошла войной Катана с Наксосом? – Управляющий напирает на молчуна – командира лоха гаморов.

– Свобода сошлась с Тиранией, – слышится хриплый голос. Спартанский шлем неохотно поворачивается к работникам верфей. Мастера невпопад шумят, протестуют, машут руками в сторону театра:

– Гаморы, выпустите нас!

– Немедленно уходим к театру!

– Посмотрите на нас. – Старший мастер по сборке выставляет гоплитам мозолистые ладони. Аргумент дополняется трагичным выражением лица. То увещательная просьба, не угроза. – Мы, корабелы, так же как и вы, гаморы, граждане полиса. У нас с вами равные права. Закон полиса для нас с вами тоже одинаков. В четверти стадия от театра мой дом. Моя семья подвергается опасностям! Моих детей могут убить. Я не могу здесь оставаться.

Однако сочувствия от гаморов мастеру верфей не удаётся добиться. Закрытые бронзовые шлемы не выдают чувств их владельцев.

– Гаморы попирают законы Сиракуз. Хватит терпеть произвол гаморов!

– Кто вам дал право удерживать нас?

– Наши верфи не ваша тюрьма.

– Тихе и Теменитес вместе будут сражаться против тирании.

– Неужели потомки Тиндарида на тиранию претендуют?

– Хватит слов верфи, берём топоры! Не хотят мирно выпустить, так силой высвободимся.

– Их больше, с плотницкими топорами не высвободимся. Может, вплавь податься на другой берег?

Работники верфей бьют себя кулаками в грудь, участвуя оскорбительными жестами в споре с гаморами-надсмотрщиками о поправках гражданских правах. Распалившиеся мастеровые не боятся тяжеловооружённых гоплитов-гаморов. Любопытство накаляет пререкания. Тисамен не участвует в пререканиях с аристократами. Тисамен словно бы оглох. Художник верфи поглощён страстью творчества – увлечённо живописует кистью богиню счастливого случая. Тихе, которая его стараниями обретает завораживающую красоту обнажённой юной девушки. Харакс, посмотрев в голую спину Тисамена, поднимает высоко правую руку. Важно оглашает от своего имени решение гетерии мастеров верфей:

– Гаморы, вы не имеете прав удерживать свободных эллинов Сиракуз в заточении без указания на то архонтов.

Работники согласно бурчат. Командир лоха поворачивает к управляющему Хараксу голову в сияющем шлеме. Солнце высвечивает чёрные глаза в прорезях. Воитель хриплым голосом раздражённо-гневно распоряжается:

– Архонт-фермосфет Гермократ постановил запереть вас до победы над бунтом в верфях. *«А если восстанут, то определить их в сообщники бунта, надеть на них цепи, как на изобличённых преступников»*. Это точные слова архонта-фермосфета, для тебя, Харакс. Запомни их до высокого суда агоры. Это твой стасис⁶⁶? Ты восстаёшь, гражданин Харакс? Ты и твои люди – мятежники? Будете топорами оспаривать судебную власть полиса? Приготовить для вас смирительные верёвки?

Управляющий верфью падает духом, хмурится, отрицательно качает головой. Шум недовольства смолкает. Работники верфей отдаляются от шеренг гаморов. Море занимает их внимание. Мастеровые указывают руками воителям на волны. От военных верфей Ахрадины в сторону верфей гражданских Ортигии идёт на вёслах немирная лодка. Во вместилистой, тёмно-синей бортами, вестовой лодке триеры и гребцы, числом восемь, и кормчий, и смотрящий на носу, в ярких разноцветных льняных доспехах, при портупях с оружием.

---

⁶⁶ Стасис – гражданская смута, буквально – «стояние».

5. Укрытия от непогоды (Фрасикл, Брасид)

За восемь дней до литургии двух всадников. Поместье Полидама. Репетиция хоров.

Продолжительная песня Зевса пропета. Корифей Фрасикл ни разу не ошибся в словах, старательно в задуманном ритме драматурга исполнив важнейший отрывок из трагедии. Гамор утирает пот рукой. Устало выдыхает. Вот так с первой попытки, кроме Фрасикла, ни у кого из артистов не получалось попасть в ноты, не запнуться в долгих распевах. Протагор громко выбивает дробь дорожным посохом по сосновому настилу, сбитому точным полукругом оркестры вокруг священного камня. Довольный драматург поощрительно улыбается взволнованному Фрасиклу:

– Зевс всемогущий достойно протестует в твоём исполнении, почтенный корифей. Бог Кронос должен быть повержен. Без сомнений... без сомнений должен быть низвергнут в Тартар! У зрителей не возникнет прекословий именно после твоего сольного выступления.

Хоревты отчаянно аплодируют смутившемуся от прилюдной похвалы гамору. Рано поседевшему, но не утратившему кучерявых густых волос, корифею слегка за тридцать с небольшим годов. Фрасикл явно не привык к публичной жизни. Прочно стоящий на крепких ногах, привычкой закладываящий по-хозяйски за спину руки, властный, завсегда привередливый, радетельный гамор в хорах словно бы в своём пшеничном поле за сбором урожая. Хорошо известный за пределами Сиракуз хрематист⁶⁷ Фрасикл иногда теряется при восхищённых взглядах, совсем как юная девушка. Такой странный контраст в честном поведении аристократа не смешит, а добавляет уважения к авторитету «управляющего двух хоров», чуждому напыщенному тщеславию наёмных актёров или певцов-кифаристов.

– Драматург, в дождь-то что будем делать? Отдыхать во снах? – Полутораст Пахет, из трапезитов, пророчествуя, жезлом указывает на свинцово-чёрное небо. Музыканты, хоревты, певцы отрывают взгляды от корифея. Небо роняет первые капли дождя. Тяжёлые крупные капли плюхаются на настил. Оставляют на сухих досках мокрые круги с заострёнными краями. Протагор указывает обеими руками на «управляющего» Фрасикла. Драматург почитает своим долгом разделять обязанности. Фрасикл, заполучив от Протагора право распоряжаться, скороговоркой гневается:

– Гаморы-трапезиты! Никаких снов не позволяю. Бездельничать не будем. Поднимаемся, ленивые богачи! Олимпийским бегом марш под навесы конюшни. Разомнём руки-ноги в кинжалных боях. Дождик военным упражнением не помеха.

Предложение сурового корифея вызывает ликование. С радостью в лицах юноши-эфебы и отслужившие зрелые мужи быстро встают, потягиваются в затёкших спинах, вращают руками, разминают мышцы. Долгое сидение на плетёных креслах с инструментами или стояние в хорах со свитками папируса порядком утомило участников трагедии.

«Дождик» подгоняет спешащих широким шагом мужей. Редкие капли переходят в частый дождь. Едва артисты доходят до конюшен, как их головы окатывает ливнем, прохладным, шумящим, да такой проливной мощи, что к струям отправляются благоговейные возгласы поощрения. Музыканты прижимают к телам, прикрывают драгоценные инструменты одежками, шляпами. Три сотни мужей под странно-широкими навесами, совсем недавно построенными у каменных стен конюшен, формируют шеренгу. Авлосы, тимпаны, кифары укладываются у опор навеса. Корифей протяжно свистит, вложив два пальца в рот. Праздное восхищение ливнем прекращается.

⁶⁷ Хрематист – от древнегреческого термина χρίματα – деньги, обогащение; крупный предприниматель.

– Командиры десятков, полуторасты, лохарги – выйти из шеренги. – Фрасикл суров лицом.

От ряда отделяются искомые мужи. За их спинами размытая, изломанная линия мужей перестраивается. Перестроение сопровождается гвалтом, топотом ног. Всяк из артистов вспоминает ему назначенное место в построении. Крайне стоящие оказываются в серединах, и наоборот. Кто-то в спешке падает со смехом товарищей «и твои ноги тоже», поднимается. Под навесом выстраиваются друг за другом три стройных шеренги.

– Наша боевая задача в театре – не просто пробиться через врагов в Ортигию. – Корифей двух сборных хоров проходит вдоль шеренг. – Наша задача – сбить спесь с бунтовщиков. Люди из Тихе должны познать на себе не только наш гнев. Хоревты священно бьются за богов в священном театре Диониса, а не трусливо убегают домой. Битва хоров, музыкантов, танцоров будет видна богам, Дионису в первую очередь, так как театр принадлежит ему. Театр – обитель возлюбленного бога. Праведной битвой у фимелы мы привлечём на свою сторону Диониса.

Вы понимаете, как благородно будем сражаться? Будем умирать в храме... будем умирать в храме во славу возлюбленного бога! Безумцы, что нападут на нас, не понимают смысла святотатства. На что они рассчитывают после поругания алтаря в день праздника? Умастить богов щедрыми жертвами после злодеяний? Боги не примут жертв от святотатцев. – Шеренги соглашаются с корифеем. – Зато мы с вами понимаем смысл предстоящего подвига. За веру будем бороться с тьмой! Боги снизойдут до наблюдения поединков. Вы представляете? Боги будут рядом с нами... боги рядом с нами будут в тот славный день. – Фрасикл вытягивается. Ударяет себя по груди кулаком. – Да я мечтал с детских лет о такой героической смерти! Как впервые познал от отца строки «Илиады», всё мечтал, что я, как Аякс, когда-нибудь обрушусь на врага. Отец говорил мне: «„Илиада“, сынок, путь аристократии. Следуй „Илиаде“. Обращайся к „Илиаде“ за советом. В „Илиаде“ сокрыты ответы на любой твой вопрос». Вечная «Илиада». Вечные герои. Вечный певец Гомер. Отец скоро будет гордиться мною. Благодарю вас, боги, что услышали мои молитвы. Достаточно я копался в земле. Пришло моё время полить землю кровью. Осознайте ваше возвышенное предназначение! Укажем путь гаморов святотатцам из Тихе?

Речь, шеренгам назначенная, проговаривается угрожающим тоном, глаза корифея сверкают огнём, вид у Фрасикла запугивающий. Шеренги поднимают правые кулаки. Корифей хлопает в ладоши.

– Мужи, вы тут не тренируетесь в кулачных поединках. Вы в конюшнях Полидама руками-ногами молитесь богам. Непонятно сказал или конюшня не нравится? Навозом несёт? А чем плох навоз? Неужели масла умащений изысканнее конского пота? – Фрасиклу никто не возражает, вслух, по крайней мере. Корифей по-хозяйски оглядывает ухоженные конюшни за оградой. Принимает разочарованный вид:

– Лошади – чистые в благородстве животные. Иная лошадь преданнее иного *лживого человека*. Чувства лошади за деньги не купишь. Вы тоже знаете эту мудрость. Лошадь безразлична к серебру, камню редкому или золоту в монете. До смерти буду кормить коня старого. Зерном отборным кормлю. Почему терплю убыток? За чувство преданности, что он мне подарил. Бесплатно подарил, по взаимности. Где ещё встречу любовь, равную любви моего старого коня? А как он мне улыбается глазами. Кто мне так улыбнётся? Ни одна женщина, кроме матери, мне так не улыбнулась за жизнь!

Счастье надо ценить. Дар-то редкий от богов. Яблоки из моих рук для моего коня симпатичнее подкупа при подлой сделке. Чужого к себе не подпускает мой конь.

Ну и что с того, что не умеет говорить? За моей спиной мой конь не злословит обо мне. Улыбка коня – это улыбка, а не хитрое вымогательство привилегий. Вы скажете, хитроумные виды имеются на меня у моего коня? Да, знаю их. Как не знать? Порезвиться на водопое, поесть вдоволь сочной травы, облизать меня шершавым языком. Коварный конь у меня. Осо-

бенно конь мой почему-то, – корифей разводит непонимающе руками, – не любит Тихе. Как ни посмотри, а лошадь выходит лучше в нравах человека.

Многим из кварталов Тихе я помогал. Зерном, ссудами, инструментами для работ в поле. Отец меня обязал помогать Тихе. Правильно мудрость изъясняет: можешь не делать людям хорошо, главное – не делай людям плохо. Я делал только хорошо, не унижал, не оскорблял, надменность не предъявлял без повода. В той мудрости соблюдал два начала, а не только одно. Сколько красивых слов благодарности слышал от просителей Тихе. Руки мне целовали. Я ведь без процентов одалживал. Верил словам фальшивым. Глупец я наивный! – Корифей словно в наказание самому себе взъерошивает волосы. – А вот коню моему для суждения о людях достаточно ноздрями повести.

Мои хоры, скажу вам любимые слова моего отца: «Не место украшает молитву, а молитва возвышает место общения с богами». Мудрые слова? – Шеренги одобрительно молчат. Разумные речи аристократа ободряют слушателей. – Конюшни теперь храм. А наша подготовка к литургии – это молитвы в драках. Старательно молитесь. Боги с небес должны видеть наше искреннее рвение. Дионис-благодетель, одаривший меня, недостойного, богатством виноделия, прими скромные бранные упражнения подношением в твою честь.

Драматург от слов корифея, авторитетного, единодушно выбранного наставника двух хоров, впадает в задумчивость. Шеренги расходятся на пары. У пар появляются деревянные кинжалы, ксифосы. Лица тщательно заматываются тряпками. Плащи становятся щитами-нарукавниками.

– Хоревты, приступайте. – Корифей взмахивает правой рукой. Упражнения начинаются без задержек. Протагор подходит к Фрасиклу, что-то шепчет на ухо.

– Софист, выйди к драматургу. – Слова корифея вызывают смех. Поединки прекращаются. Гаморы-трапезиты ждут появления «софиста».

– Нехорошо забывать об обязанностях. – Полутораст Пахет корит выходящего. Объявляется голубоглазый «софист» в набедренной повязке. Юноша-эфеб, гамор, ему едва девятнадцать, среднего роста, широкоплечий, жилистый, в твёрдых мускулах. Открытое загорелое лицо «софиста» с квадратным подбородком шутливо изучает беспечное веселье наигранно-наивного детского образа, вызывая среди артистов вторично смех. «Софист» чинно кланяется гогочущим шеренгам. Поворачивается к корифею, уже с серьёзным лицом.

– Софист, сегодня ты... обучаешь науке кинжального сражения драматурга... – Фрасикл укладывает правую руку на плечо «софисту». В представлении хорам известный забияка не нуждается. – ...Как и вчера, впрочем. Ловкач, ты нам пример для подражания, только во владении короткой бронзой, конечно.

От щедрой похвалы старшего по возрасту-званию юноша-гамор вздрагивает уже не в шутку, теряет дар речи, прикладывает благодарно обе руки к груди. Повышение ранга в обществе достойных отмечено при трёхстах свидетелях. Хвала от товарищей одурманивает ловкача. От нахлынувшего блаженства «софист» -эфеб закрывает глаза. Вид у юноши в точности как у закрывающего грандиозно проведённый симпозиум симпосиарха. Нет только пышного пиршественного венка, съехавшего на щёку. Волна смеха, по высоте звука двукратно превосходящая предыдущие, окатывает поместье Полидама. Столь хвалимые в нравах Фрасиклом четвероногие отзываются людям испуганным ржанием. Корифей вкладывает два пальца в рот. Пронзительный свист оканчивает смех. Ливень усиливается. Становится прохладно. Ряды берутся за тренировку.

– Мой Протагор, – Ловкач почтительно склоняется перед старшим по возрасту. – Я не понял мотивации Зевса в трагедии. – Карие глаза «софиста» -кинжала встречаются с твёрдым взглядом драматурга. – Зевс собирается низвергнуть отца Кроноса ради... *славь*? Или Зевс идёт на стасис ради *тирании* среди богов?

– Протагор, можно я отвечу за тебя? – Корифей вступает в разговор. Тренировка вновь прерывается. – Салеф, скажи мне, ты слышал, когда я пел:

*– Мой отец превратился в тирана,
что правит глупо, самовластно,
из грехов хуже может быть только
поедание детей, кровно рождённых,
но и убийство детей не в тягость отцу моему,
о Кронос счастливый!
Для кого твоё время правления стало счастливым?
Для людей? Для богов?
Но только не мне счастье досталось.
Не досталось и братьям-сёстрам моим.
Я единственный спасшийся из семьи,
горько видеть мне безумие бога.
Власть лишила рассудка отца,
богу Кроносу заговоры мнятся повсюду.
Не желаю терпеть страдание матери,
не желаю терпеть тиранию!
Я восстал против бога-тирана
и с войною иду на отца своего.
Кронос, меня породивший, знай,
я добуду свободу для сестёр и для братьев,
Кронос счастливый, детоубийца,
узурпатор свободы,
поругатель традиций,
знай, я разрушу темницу,
чрево твоё.*

Фрасикл, важно продекламировав пояснительный отрывок, не дожидаясь ответа от «софиста-ловкача», извиняется перед драматургом:

– Мой Протагор, не держи обиду на Салефа. Салеф – парень славный, только чересчур прилежный. У него и отец был таким – застал отца Салефа. Всегда за Салефом замечал: что ни доверишь ему – выполнит. Но старается так усердно над порученным – совершенно ничего не слышит вокруг...

Три сотни артистов весело хохочут. Ловкач смеётся тоже. Драматург выбирает из кучи деревянный кинжал, протягивает «софисту». Поблагодарив товарищей, особенно долго корифея, Салеф достаёт из-за спины припасённый кинжал, передаёт драматургу. Тренировка в кинжальных поединках продолжается под грохот стен воды. За навесом обширные лужи сливаются в пруд.

За два дня до литургии. Храм Тихе. Слегка за полночь.

Ночь выдаётся густо-тёмной. Плотные чёрные облака с редким дождём закрывают звёзды, луну. Занавес на небе беспросветен. Редкие мерцающие огни на крепостных башнях служат неверными ориентирами запоздалым прохожим, возвращающимся из гостей домой. На мрачных улицах неприятно идти. Если нет спасительной масляной лампы или хвороста факела, то приходится держаться за стены домов, повторять путеводные молитвы богам.

Странный зимний холод для обычно жаркого конца весны разливается дыханием моря. Туман застревает незваным гостем в переулках узких улиц. Насыщенный липкой солью, промозглый ветер пронимает путников до костей. Две тени случайно сходятся у колон скромного храма Тихе. Колоны храма становятся прикрытием от ветра и дождя для теней, укутанных по-ораторски⁶⁸, в серых гиматиях длиною пониже колен. Тени прислоняются плечами к шершавым камням обители богини счастливого случая.

– Брасид, сколько у нас людей при бронзе? – Властный шёпот тени, что значительно крупнее сложением, шире в плечах, выше на полголовы. Мужчин подобной телесной мощи в полисе наберётся едва ли с десяток.

– Мой предводитель, – хрипло отзывается тень, ростом средним, пониже, жилистый муж, тоньше в фигуре, – пять тысяч преданных. Последняя партия бронзы из Аэтны прибыла сегодня вечером. Привезли на пять сотен железных прутков больше. С бронзой по качеству железные не поспорят, но для короткой работы вполне сгодятся. Прутки дали в долг, под моё слово, сроком до конца Больших Дионисий. Надбавку к цене назначили небольшую, справедливую. Бронзу и прутки раздали верным.

– Брасид, ты поведёшь две тысячи лучших на театр. Худших, а также к нам примкнувших оставь у храма, для резерва. Резерв тот поведёшь после театра на Ахрадину. Твоё первое дело будет наиважнейшим. Ахрадина – ерунда, подождёт. Ортигию измором возьмём. На оркестре выступи перед демосом, как уговорено. Речь в рифме помнишь? – Металлический тон власти сменяется на снисходительный дружеский.

– Помню твои слова в рифме. Убедительные доводы – никто не устоит. Сложно для меня говорить на людях. Не моё – словами потрясать. Молчун я. Но за драгоценный Тихе могу и сказать. – Собеседник отвечает, как прежде, подобострастно. «Предводитель» утыкается, как телёнок, лбом в лоб Брасиду. Разняв лбы, пристально смотрит в глаза. Брасид шепчет уверенно:

– Поведу, скажу, выиграю. Тихе давно нужна справедливость. Не я, так другой кто повёл бы людей уравнивать обиды.

– В словах не сбейся. Не злись, когда заговоришь. Уважительно обращайся к сидящим. Ругань в речь не вставляй. Помни, зрители театра – наши сторонники. Им просто надо услышать голос Тихе. Теменитес примкнёт к Тихе. Хорошо скажешь речь в театре – твоего первого дела не будет. До крови не дойдёт. Боги не обидятся на умные суждения. Как войдёте в театр, бронзу достань. – Брасид молча согласно кивает головой «предводителю». Могучий муж с едкой насмешкой в голосе завершает наставление: – Богачи при виде серьёзности ваших намерений дрогнут. Спесь растеряют перед Тихе.

– Гаморы сдадутся демосу. Не выдержат даже полумесяца осады. Труссы гаморы. Будут жизни вымалывать. На коленях будут нас умолять. Наперёд знаю. Похвальба пустая эти надменные аристократы. Не боюсь никого из них. – Брасид не сомневается. Его правая рука, сжатая в кулак, показывается из-под шерсти: – Демос сильнее Ортигии!

«Предводитель» внимательно, не перебивая, выслушивает долгую браваду «молчуна». Вполголоса, с одобрением, продолжает:

– Да-да, сдадутся. На коленях будут молить. Ты прав, мой верный товарищ: богачи – отъявленные трусы. В коварной подлости их сила. Среди богатых дружбы не существует. Ты же знаешь – богачи друг друга ненавидят. Литургию за драку в гимнасии гаморам и трапезитам назначили за взаимную любовь. Деньги богачи переделить не могут. – Брасид тихо посмеивается от слов «предводителя». Поддакивает часто «угу-угу». – Объединиться меж собой гаморы, торговцы, трапезиты и метеки не смогут даже на войне. Мирно изгоним аристократов, трапезитов, богатых метеков из полиса. Кровь не прольётся. Святотатств в театре не произойдёт.

⁶⁸ По-ораторски – с закрытыми обеими руками.

Боги будут смеяться над трусами. – Тень «предводителя» отрывает могучее плечо от колонны. В руки Брасиду переходит мешок с характерным звуком монет.

– Брасид, прими уплату за бронзу. Немного серебра от верных друзей. Взнос, увы, неполный, даже шестую часть расходов не покроеет. Но ты всё равно отряди надёжного человека в Аэтну. Не тяни с отправкой денег. Пусть люди Аэтны видят гордость бедняков. Жители Тихе не попрошайки. – Соратник прячет мешок под одежды. «Предводитель» проговаривает обычные слова клятвы бедных кварталов при любых соглашениях: – Тихе щедро поможет нам.

– Тихе с нами. – Ответ Брасида безымянному «предводителю» звучит как условленный пароль. Тени расходятся в разные стороны кварталов Тихе.

6. Неистовый «Кронос счастливый» (Мирон, Эсхин, Брасид)

День литургии двух всадников. Театральная площадь.

Мирон.

В свалке сражения на площади раздаётся громкий призыв мятежников: «Тихе с нами!» Главный вожак бунта, возвысившись над толпой, сидя на плечах товарища, указывает направление к отступлению. Ряды путчистов громко поют пеан: «За Тихе! За Тихе умрём! За Тихе пойдём! Победим-победим!» Призыв услышан не только последователями в тёмно-серых рубищах. Женщины наверху сены восполняют нехватку среди отрядов артистов в пельтастах⁶⁹. Добровольные помощницы возобновляют обстрел атакующих мятежников камнями, черепицей⁷⁰, перекрытиями крыши. Их меткие снаряды вызывают обратный поток ругательств от раненых экзомисов.

Пространство под стенами сены освобождается от людей из Тихе. Зрители, выбегающие из обоих пародов театра, пополняют ряды борцов с мятежом. Мирон из второй шеренги отчётливо не так далеко от себя слышит враждебный пеан. Мельком оценив серьёзную дружескую поддержку «пельтастов» сены театра, аристократ возвращается к битве. Вожак серых экзомисов от атлета на каком-то доступном расстоянии в четверть броска дротика⁷¹. Но дротиков для броска нет в крепких руках. Мирон прижимает гопплон к груди, поворачивает лицо в золотой маске Кроноса направо, выкрикивает товарищам во весь голос:

– Победа у нас! Скоро мятежники отступят! Не дадим им уйти! Проломим толпу!

Не дожидаясь ответа строёв, Мирон бросается в самую гущу рубки. Силач пускает в ход «театральный ксифос». Нет, теперь драгоценный ксифос не спит мёртвым холодным куском металла в ювелирных ножнах. Тяжёлая бронза обрушивается на головы врагов. Разит в грудь, живот, горло всякого, кто стоит на пути перед Мироном. Обоюдоострый меч мрачно поблёскивает в солнце, встречается с кинжалами, получает от соперников боевые зазубрины, выбивает оружие из рук врага, жалит тела, ломает кости, расплёскивает горячую кровь, порождает жалобные крики. Ксифос «бога Кроноса» словно живой. Ксифос словно золотая змея. «Золотая змея» являет врагу острые ядовитые зубы. Ксифос обретает заслуженное благородное имя «Золотая змея» в битве. Но не только меч украшает взбешённого «Кроноса».

Гопплон с многослойной кожаной юбкой понизу оказывается бесценным союзником в жестокой битве. Огромный бронзовый щит для защитных построений фаланги надёжно прикрывает Мирона от колющих ударов кинжалами. По прочному гопплону часто стучат незнакомцы. Им же, сияющим, со свирепым ликом горгоны Медузы в центре, «бог Кронос» откидывает павших врагов.

Щит поменьше есть у всадника Мирона и на лице. Маска бога Кроноса старательно отводит беды брани от владельца. Оттенок театрального реквизита неотличим от боевой бронзы. Маска заслоняет гамора от секущего кинжала. Остаётся царапина неглубокая, едва заметная, по лбу украшает маску. Стараниями мастера толстая твёрдая кожа быков прочно сидит

⁶⁹ Пельтасты – разновидность лёгкой пехоты в Древней Греции, застрельщики, метатели дротиков. Название происходит от названия щита – пелта.

⁷⁰ По представлениям древности, убить человека куском глины – надёжный способ избежать судебных обвинений и преследований Эриний за пролитие крови.

⁷¹ Дротик – метательное оружие, тип облегчённого копья длиной 1,2—1,8 метра, весом 0,7—1,7 кг, брошенный рукой, мог пролететь до 20 собственных длин.

на голове Мирона. Те, кто смотрит в лицо «богу Кроносу», устрашаются нечеловеческого обличьа. Сверкающее лицо опасно завораживает врага. Золотая маска постепенно покрывается пудрой из капель крови. Те же, кто смотрит в затылок, видят сетку из мокрых чёрно-коричневых ремней-креплений, вот для них «Кронос» живой командир, залитый потом сражения. Двудликий воитель правит отрядом артистов. Великолепно заметный по росту среди серых волн мятежников.

Яркое солнце Сицилии начала лета безжалостно жжёт участников уличного сражения. Жажда сушит рты. Но где взять воду среди ненавидящих друг друга людей? Мирон рвётся к вожаку мятежников. Атакующий в ярости схваток не видит, как следом за ним в атаку устремляется его отряд, за отрядом – горожане-ополченцы, примкнувшие к гаморам. Если бы «Кронос» в этот миг славы оглянулся назад, то увидел бы, что несколько тысяч сограждан воодушевлены его примером бесстрашия.

Широкую спину старшего командира прикрывают трое. Молодой эфеб, хоревт и танцор. Четверо воинов ведут за собой шеренги. Гаморы в театральных нарядах мастерски владеют оружием. Вокруг артистов падают раненые, умирающие, убитые экзомисы. От «впавших в безумие» в страхе подаются прочь нерешительные люди из Тихе. До главаря мятежа Мирону остаётся пробиться через три-четыре экзомиса. Вожак спешно покидает плечи товарища. Трусливо исчезает где-то в глубине ревущей толпы. Разочарование от потери близкой удачи охватывает храбреца. «Бог Кронос» на короткое время прекращает рубку, пытается определить, куда мог запропасться источник бед.

– Вижу его! – выкрикивает эфеб, указывает ксифосом направо. – Мирон, я Клеарх. Помнишь меня?

– Клеарх, за ним, не дай ему исчезнуть. Я прикрою тебя. Ты следуй за Клеархом – Мирон отправляет танцора-гамора в сопровождение тяжеловооружённому эфебу.

На сияющего «бога Кроноса» набрасываются три чёрно-серых экзомиса. Из-за спины выскакивает на помощь командиру отряда хоревт. «Бог Кронос» парирует удар кинжала клинком. Кинжал выпадает из раненой руки на камни площади. Составной нагрудник из наборных досок на верёвках поверх грубого из шерсти экзомиса принимает клинок Мирона. Доски раскалываются. Ксифос пробивает грудь мятежника. Вопль смерти оглушает рядом бьющихся соседей. Ударом щита «бог Кронос» сбивает с ног второго мятежника. Тыльником рукояти ксифоса, ударом сверху вниз, дробит темень черепа рухнувшего на колени. Хоревт вступает в поединок с третьим атакующим. Действуя двумя кинжалами, наносит два смертельных удара в живот. «Бог Кронос» бегло вглядывается в лицо хоревта.

– Эсхин? Сын Полиника? – вопрошает «бог Кронос» перепачканного кровью певца.

– Да, мой лохарг⁷²! Эсхин! – отзывается сын главы рода Ксанктилов. «Бог Кронос» кивает в сторону сражающегося эфеба.

– Поймать главаря! – Шеренги поступают к старшему командиру. «Бог Кронос» разматывает над головой окровавленным ксифосом. Со стороны участникам битвы уверенно представляется, что лохарг тем жестом призывает сплотить ряды. Трое отчаянных рубак устремляют туда, где был замечен в последний раз вожак мятежников.

Сальпинга на другом конце площади театра несравненно виртуозно распевает жестокий сигнал к наступлению. Ополченцы из зрителей заполняют опасные пустоты на флангах. Равняются добровольцы в построениях на сплочённый отряд «Кроноса». Среди добровольцев строго раздаются голоса подоспевших архонтов-фермосфетов, жрецов, мистов культов, глав фил и гетерий. Хаос в рядах зрителей переменяется подобием бранного порядка. Зрители ещё не фаланга – на то нет положенных доспехов, копий, шлемов, – но уже не протестующая толпа. Всяк из оружие держащих вспоминает давнюю или недавнюю службу в эфебах.

⁷² Лохарг – командир лоха, тактической единицы пехоты полисов, примерно сто воинов.

Люди пылают восторженным желанием постоять за эллинские традиции. Зрители потрясены происходящим. Театральная трагедия из жизни богов, начатая «богами» у фимелы, продолжается смертными руками на улицах родного города. Быстротечная битва замедляется, растягиваясь на бесконечно долгую ленту времени, заполненную искажёнными гримасами, криками, поединками, смертями, агониями, возбуждением, страхом, восторгом, безумием. Люди в сражении утрачивают лица. Никто не спрашивает имени рода у соседа. Никто более не интересуется у нового знакомого достатком, занятием, местом жительства в городе. Суета размеренно-привычных дел позабыта. Позабыто и негласное неукоснительно соблюдаемое требование поддерживать на публике видимое достоинство. Праздничные накрахмаленные, отутюженные, собранные на складки, украшенные узорами или вышивками наряды утратили цвет, форму, залиты потом, грязью, кровью, порваны.

Эсхин

В свалке сражения на площади раздаётся громкий призыв мятежников: «Тихе с нами!» Главный вожак бунта, возвысившись над толпой, сидя на плечах товарища, указывает направление к отступлению. Ряды путчистов громко поют пеан: «За Тихе! За Тихе умрём! За Тихе пойдём! Победим-победим!» Белая маска разворачивает построение шеренг, перекрывает улицу к кварталу Тихе, к отряду «Архонта» пробивается отряд в синих линотораксах, отрезая тем самым путь к отступлению. Во главе отряда паломников оказывается певец в золотой маске богини Эрис. Два отряда, «Архонта» и «Эрис», решительно наступают. С десятков экзомисов падают ниц перед ними.

Мятежники подаются в противоположную сторону. Их перепачканные сажей печей лица встречаются с перекошенными от злости лицами зрителей, покидающих театр, удивлёнными ополченцами, что прибывают на зов труб. Серые экзомисы теряют рассудок, нет среди них бранного порядка. С дикими воплями отчаянья загнанных в ловушку мятежники набрасываются на отряд «бога Кроноса», что по центру горожан-ополченцев. За поворотом от театра спасение – короткая улица выведет к открытым крепостным воротам.

В море отливы сменяются приливами. Предписанный богами закон море выполняет неукоснительно. Солёная вода отступает, обнажается каменистое дно. Горе тем обитателям глубины, кто не поспел за отступающим морем. Крабы зарываются в песок, раки-отшельники скрываются в раковинах, прибрежные рыбки ищут спасения в глубоких расщелинах скал. Но те неразумные, кто беспечно остался на высохшем дне, испытывают удачу – встречают безжалостное солнце, становятся желанной пищей для птиц. Так происходит и в битве на площади для Эсхина.

Успех отрядов архонта-фермосфета и Граника, запирающих изгибистую улицу к кварталам Тихе, порождает бурный прилив в сторону сплочённых шеренг «бога Кроноса» его союзников из числа зрителей-горожан. Прилив серых экзомисов выносит вожака путча прямо на четверых соратников. «Бог Кронос» издаёт ликующий крик. Золотая маска впадает в неистовство. Громила-силач раскидывает врагов, орудуя гошлоном и ксифосом. Море, серое море бунта бьётся о твёрдую скалу. Боги не дают познать Мирону счастья заветного поединка. Битва «Кроноса» сковывает охрану главаря, открывая его сыну Полиника.

– Убей главаря! – ревет неистовый «бог Кронос». Ксифос вонзается в глаз левый мятежника, выносит наружу содержимое курчавой головы. Лязг металла, крики, песня сальпинги. Нет времени для раздумий. Надо спешить – бранное счастье переменчиво. Эсхин бросается на предводителя серых экзомисов. В схватке сходятся равные по силе соперники. Сложением Эсхин как главарь людей из Тихе. Поединок мгновенно-быстротечен. Два врага встречаются взглядами. Во взгляде предводителя мятежа ломается воля к сопротивлению. Эсхин выпивает

плоток победы ещё до того, как скрещивает кинжал с клинком врага. Чувство «уже проигравшего» меняет цвет глаз зрелого мужа.

– Я Брасид! – выкрикивает в лицо Эсхина противник. – Тихе со мной!

Воин каменоломен успешно отражает удар правого клинка сына Полиника, в тот же миг пропускает удар второго клинка-близнеца по правому боку, там, где печень. Клинок в левой руке Эсхина не уступает по проворности правому. Сын Полиника убивает того, кто назвался Брасидом. Раз, два, три, четыре, пять – ровно столько продолжался смертельный поединок Эсхина с врагом. «Бог Кронос», эфеб и танцор-гамор пробиваются к хорову.

– Эсхин, вынеси труп на агору. Оповести Ортигию о победе. – «Бог Кронос» отдаёт приказ рядовому воину.

Старший командир в маске забывает об Эсхине и Брасиде. Новые опасности обрушиваются на фалангу гаморов-трапезитов. Эсхин молча повинует. Умиравший Брасид быстро угасает в сознании, истекает кровью, хрипит, агонизирует, резко подёргивает руками-ногами. «Бог Кронос» вместе с подоспевшими боевыми шеренгами отесняет серых экзомисов от павшего. Эсхин поднимает с камней площади окровавленный полутруп. Пачкается в его тёплой крови. Перехватив левой рукой через грудь, вытаскивает, как лучшего друга, умирающего из кровавой рубки. Эсхин скрипит зубами. Раздувает ноздри от гнева. Тащит Брасида, печально плачет, но выполняет неприятный приказ «бога Кроноса». Едва юноша с брыкающейся ношей покидает третью боевую шеренгу, как штормовая волна прилива Тихе окатывает построения «Кроноса».

Фаланга «Кроноса» достойно выдерживает натиск атакующей толпы. Вторая и третья шеренги построения сменяют первую, вступают в бой. Более нет резерва у «бога Кроноса» из числа артистов. Теперь бьются с врагом и командиры десятков. Мятежники падают под поставленными ударами танцоров, хоровтов, трапезитов Оропа. Раненых вытаскивают товарищи прочь из шеренг на попечение лекарям, их места занимают зрители, добровольцы, государственные рабы. «Кронос» огрызается копиями, ксифосами, кинжалами. Фаланга покрывается частыми трещинами, так, как расслаивается слоями камень сланец, но отряд артистов в упорной обороне не отступает. Волна прилива, ударившись о скалу, окатив её брызгами крови, нехотя спадает. Атака наступающих вмяла, отодвинула ценою огромных потерь фланги из зрителей, но лишь на пару-тройку шагов от свирепого строя «Кроноса». Прилив серых экзомисов не достигает спасительных, зазывно манящих, широко открытых крепостных ворот, что нависают над городом сверху, слева от театра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.